

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р
И Н С Т И Т У Т И С Т О Р И И М А Т Е Р И А Л Ь Н О Й К У Л Ь Т У Р Ы и м . Н . Я . М А Р Р А

СОВЕТСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ

IX

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА 1947 ЛЕНИНГРАД

С. С. ЧЕРНИКОВ

НАСКАЛЬНЫЕ ИЗОБРАЖЕНИЯ ВЕРХОВИЙ ИРТЫША

В 1935 и 1937 гг. мною было произведено археологическое обследование верховий Иртыша, от устья р. Кызыл-су и почти до китайской границы, захватившее главным образом Калбинский и Нарымский хребты. Наряду с большим количеством разнообразных курганов и следами древних горных работ, при обследовании обнаружены и наскальные изображения. Найдено 19 пунктов (рис. 1), где отдельные камни или целые скалы покрыты множеством разнообразных рисунков.

Все наскальные изображения находятся на холмах, окаймляющих долины рек,¹ и выбиты на камнях, обращенных к воде. Техника нанесения изображения на поверхность камня повсюду одна и та же (за исключением пункта Тамураши II, о чем подробнее остановимся ниже). Рисунки делались при помощи многократных ударов по камню металлическим орудием с рабочей площадкой не свыше 0.3 кв. см. Каждый такой удар давал на камне углубление, около 0.5 см глубиной, снимая только верхнюю выветренную корку. В результате получалась шероховатая поверхность, резко отличающаяся по цвету от основного тона камня. Значительная часть рисунков сделана сплошным силуэтом. Изображения высечены в большинстве случаев на гладких, серовато-коричневых плоскостях метаморфизированного сланца. Есть они также на розовато-сером, среднезернистом граните (Кула-Журга), розовом песчанике (Казанчункур), аплите (Кальджир) и порфирите (Боко).

Наскальные изображения Верхнего Прииртышья уже обращали на себя внимание некоторых исследователей. Ледебур отметил рисунки архаров и оленей, на южных склонах гор Долон-Кара.² Кастанье³ приводит сведения о 15 изображениях животных и людей в Усть-Каменогорском и Зайсанском уездах. Н. Гуляев дал описание двух групп изображений у дер. Таловки в долине р. Нарыма.⁴ Адрианов, проводивший специальное археологическое обследование западного Алтая, дает в своей работе описание целого ряда пунктов наскальных изображений, частью виденных им самим, частью со слов местных жителей. Его указания были использованы нами при обследовании группы изображений на р. Кальджир.⁵

В. Ризниченко⁶ посвятил особую статью найденным им наскальным изображениям в долине р. Дженешке, правом притоке Курчума. Опубли-

¹ За исключением пунктов в логу Курсай и у гор. Долон-Кара. В обоих случаях число рисунков крайне незначительно.

² Н. F. L e d e b o u r. Reise durch das Altaigebirge und die Soongarische Steppe (im Jahre 1826). Berlin, 1829.

³ И. А. К а с т а н ь е. Древности Киргизской степи и Оренбургского края. Оренбург, 1910, стр. 136.

⁴ Н. Гуляев. «Писанные камни» Усть-Каменогорского уезда. Зап. Зап.-Сиб. Отд. РГО, т. XXXVIII, 1916.

⁵ А. Адрианов. К археологии Западного Алтая. ИАК, вып. 62, 1916.

⁶ В. Різниченко. Зразки первісного мистецтва на межі пустель Гобі. Антропологія. Річник кабінету, Київ, 1928.

ковав ряд интересных рисунков, он относит их к палеолиту и сравнивает их с знаменитыми пещерными рисунками Франции и Испании. Это утверждение, на наш взгляд, ничем не обосновано, так как изображения на р. Дженешке решительно ничем не отличаются от остальных изображений всего западного Алтая. В его публикации особенно интересна фигура хищника (табл. II, б), напоминающая по технике и стилю аналогичные изображения группы Тамураши II.

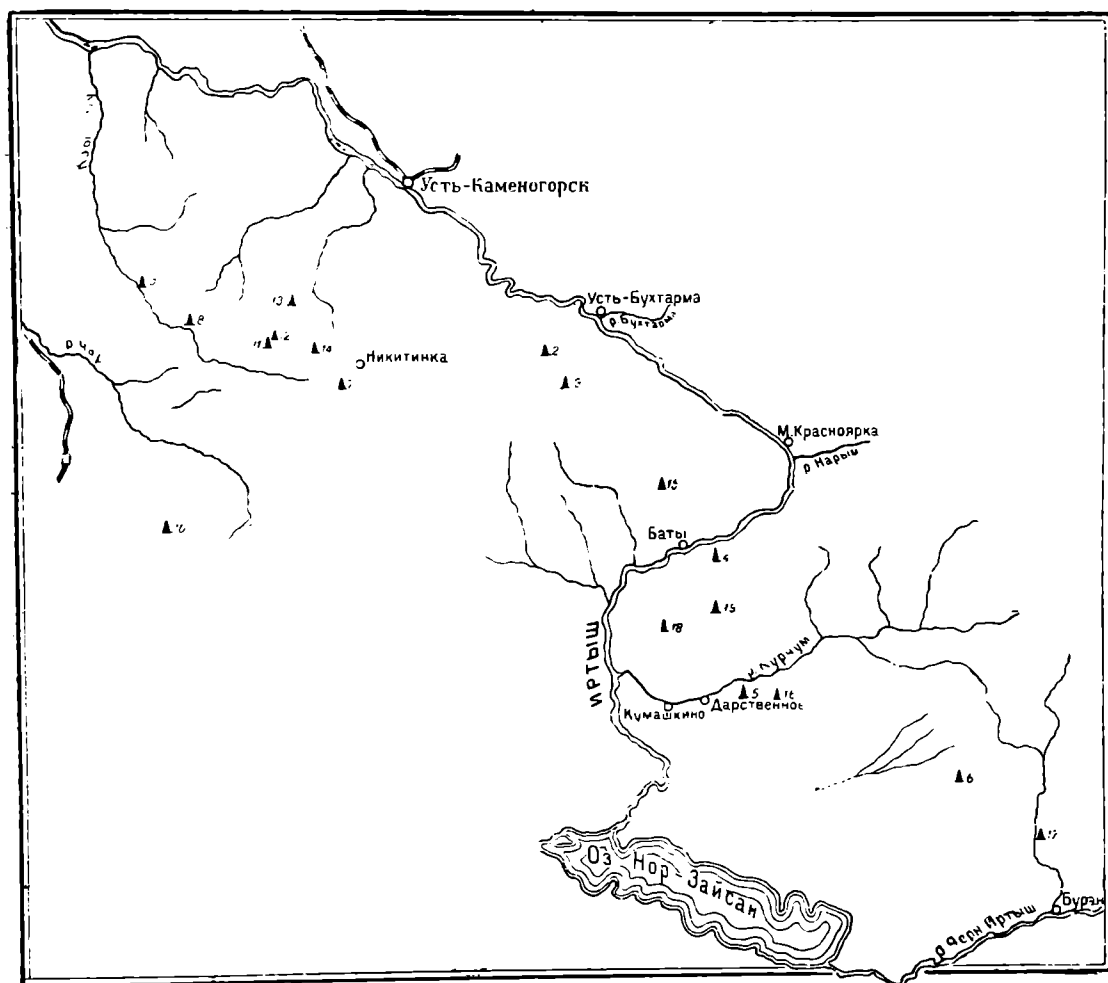

Рис. 1. Пункты наскальных изображений в верховьях Иртыша, обследованных в 1935 и 1937 гг.

1 — ключ Кочунай; 2 — р. Атымбек; 3 — лог Курсай; 4 — ур. Кула-Журга; 5 — сопка Туль-Куне; 6 — р. Такыр; 7 — ур. Сары-Булак; 8 — Казанчункур; 9 — дер. Остриково; 10 — рудник Бок; 11 — Тамураши I; 12 — Тамураши II; 13 — аул Калабай; 14 — ключ Алибек; 15 — дер. Уразбай; 16 — горы Долон-Кара; 17 — р. Кальджир; 18 — Сергеевка I; 19 — Сергеевка II.

После этих предварительных замечаний приведем описание всех пунктов наскальных изображений в порядке их обнаружения.

1. **К о ч у н а й.** По течению ключа Кочунай в 2 км от впадения его в р. Урунхайку, на гладкой плоскости сланца, близко от воды, выбиты тупым орудием изображения горного козла, неопределенного животного и трех всадников. Один из всадников сидит на горном козле, держа его за рога. Фигуры небольших размеров и выбиты сплошным силуэтом (рис. 2, 1).

2. **А т ы м б е к.** По течению р. Атымбек, в 6 км от рудника Калаи-Топкан, на гладкой отдельности сланца, лицом к воде, выбиты изображения трех оленей (маралов). Два марала стоят друг против друга, у одного ветвистые рога, растущие вверх, другой безрогий. Третий марал внизу, под первыми

двумя, также с рогами вверх, повернут мордой направо. Размер каждой фигуры около 30 см.

3. К у р с а й. В 6 км на северо-восток от ур. Бухтыр, по лого Курсай, на вершине невысокой сланцевой сопки — группа наскальных изображений.

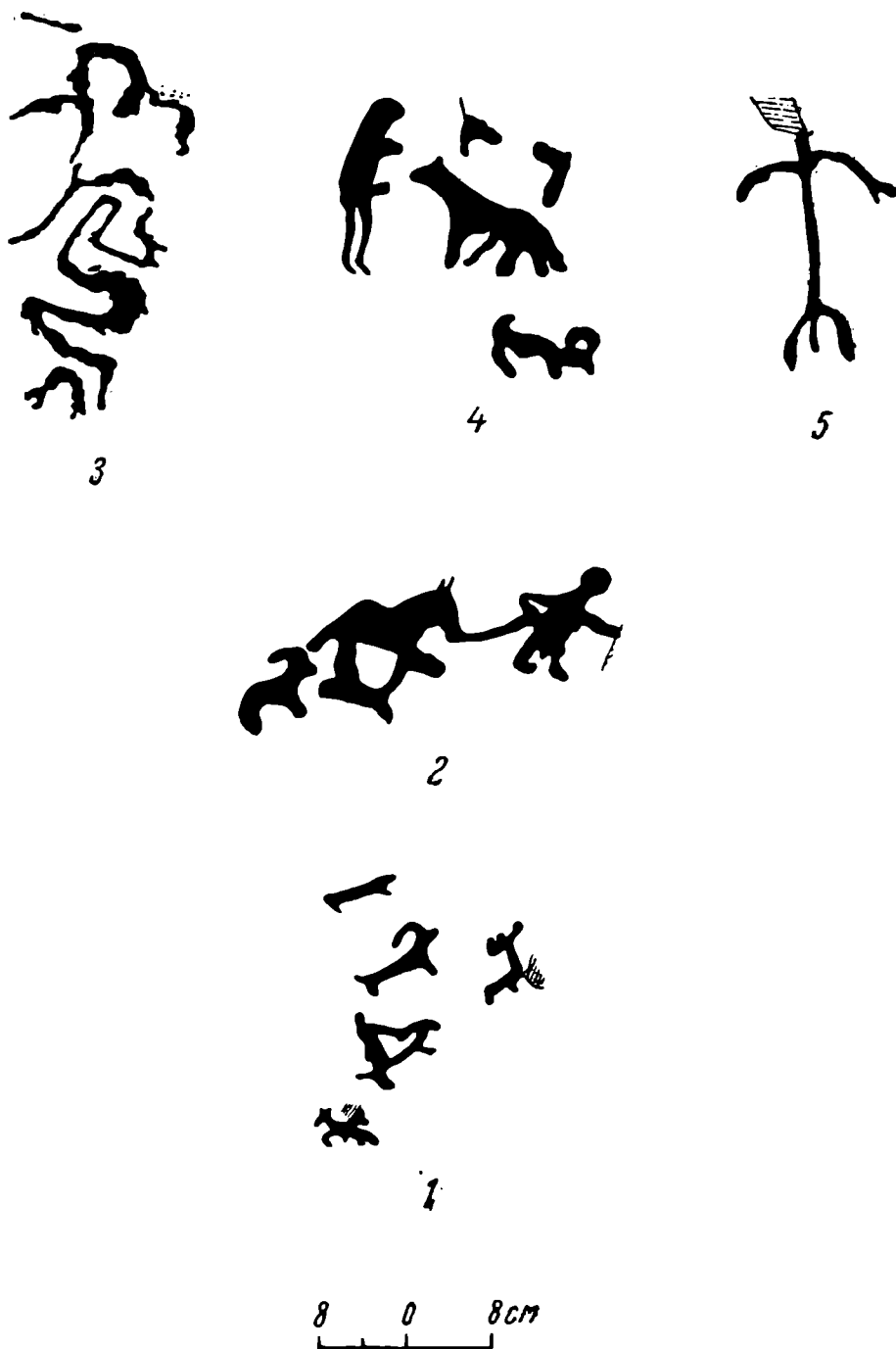

Рис. 2. Наскальные изображения на р. Кочунай и на холмах Туль-Куне.

1 — ключ Кочунай; 2—5 — Туль-Куне, северный холм (2 — группа 2-я; 3—группа 16-я; 4 — группа 15-я; 5 — группа 14-я).

Изображения выбиты на небольших гладких камнях, лежащих почти горизонтально. Все фигуры сильно выветрены и почти незаметны. Изображения встречены на пяти камнях: а) горный козел; б) 4 горных козла, по два друг над другом; в) 4 горных козла, расположенных в беспорядке;

г) неопределенное животное с очень ветвистыми рогами; д) 2 горных козла (очень неясно). Средняя величина фигур 10—12 см.

4. У р о ч и щ е К у л а-Ж у р г а. На пространстве 2—3 км отмечено 8 групп наскальных изображений:

1-я группа. Два, стоящие друг против друга горных козла (рис. 8, 1).

2-я группа. Ряд фигур, изображающих маралов с ветвистыми рогами. Фигура человека, стреляющего из сложного лука в горного козла (рис. 7, 2). Фигура человека с распростертыми руками. Ниже — фигура человека, стреляющего из сложного лука и ведущего на поводу неопределенное животное, с большим ухом и коротким хвостом; перед человеком, спиной к нему, — фигура горного козла с поджатыми ногами; над ним неопределенное изображение, напоминающее птицу, сидящую на рогах козла. Рядом неопределенное животное (рис. 7, 3).

3-я группа. Фигуры горных козлов и неопределенные ломаные линии.

4-я группа. Фигуры горных козлов и человеческая фигура.

5-я группа. Фигура сильно вытянутого в длину оленя. Под брюхом у него неопределенное животное с длинной шеей и неясное изображение какого-то предмета. Под ними, ногами вверх, изображения двух также вытянутых оленей, у одного из них большие, ветвистые рога, у другого только 2 отростка (рис. 7, 1).

На остальных точках преобладают изображения горных козлов. Все рисунки нанесены сплошным контуром, углублениями (до 0,5 см), на ровной поверхности гранита в естественных нишах (так наз. «карманах выдувания»). Большая часть рисунков подверглась дальнейшему выдуванию, причем видно, что за время существования изображений был выдут слой гранита от 0,3 до 0,5 см. При этом некоторые рисунки настолько сгладились, что разобрать их невозможно. Изображения находятся на невысоких гранитных скалах, ограничивающих здесь долину Иртыша.

5. С о п к а Т у л ь-К у н е. Изображения находятся в южном конце небольшого сланцевого хребта на двух невысоких холмах в 4 км восточнее с. Дарственное. Изображения выбиты на гладких плоскостях небольших сланцевых выходов и частично выветрены. На обоих холмах находится свыше 40 групп изображений, причем отдельные фигуры горных козлов и неопределенных животных встречаются по всему хребту. Ввиду краткости времени, зарисовать полностью все изображения было невозможно. Приведу описание наиболее интересных из них.

Северный холм

1. Изображение женщины с очень широким тазом (рис. 5, 7).

2. На большой плоскости сланца, вверху, фигура человека, ведущего за узду стреноженную лошадь; внизу изображения архаров и неопределенных животных (рис. 2, 2).

3. Фигура человека с руками, упертыми в раздвинутые колени, переходящая внизу в фигуру неопределенного толстого животного, повернутого мордой вниз. Под ним изображение человека во весь рост, держащего на вытянутых руках за горло горного козла, и неопределенное, видимо, хищное животное (рис. 5, 2).

4. На самой вершине холма, на горизонтальной плоскости сланца, изображение двух кругов с точками в центре (рис. 5, 4). На соседнем выходе сланца — несколько фигур горных козлов.

5. Два стрелка из лука (простого), расположенные по вертикали. Нижний из них достигает стрелой стоящего к нему спиной горного козла (рис. 4, 3).

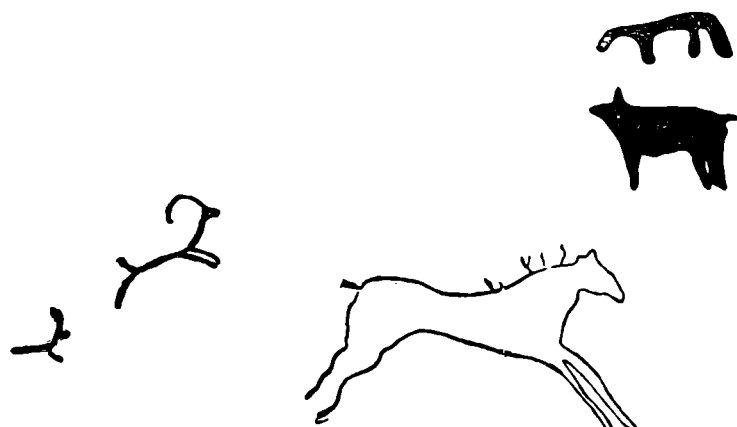
6. Группа горных козлов и неопределенных животных, над которыми выбиты широкие перекрещивающиеся и закругляющиеся линии.

7. Фигуры двух людей и неопределенное животное.

8. Фигуры двух сражающихся людей. Один из них больших размеров и в длинной одежде, вооружен луком и стрелой, другой, повидимому, с топором (рис. 5, 5).

9. Группа из 22 фигур животных и человека, держащего под уздцы лошадь. Среди животных можно различить верблюда, хищное животное семейства кошачьих, волка, белку (?), горного козла, птицу (?) и лошадь. Остальные животные неопределенны (рис. 4, 1).

10. Две фигуры животных, расположенных одна над другой и смотрящих в разные стороны; одно из животных напоминает лося (рис. 5, 6).

8 0 8 см

Рис. 3. Наскальные изображения на северном холме Туль-Куне (группа 18-я).

11. Изображение животного с опущенным длинным хвостом и острой мордой (рис. 4, 5)

12. Фигура человека с поднятой рукой и с звериной или птичьей мордой, повернутой вправо. Другой рукой эта фигура удерживает маленькую человеческую фигуру (видимо, женскую), стоящую сзади первой, также с поднятой рукой. Ноги второй фигуры связаны. Обе фигуры соединены между собой линией, идущей на уровне пояса, а между ними, начинаясь от плеч, находится неопределенное изображение, напоминающее человека, держащего перед собой какое-то орудие. Перед этими фигурами справа стоит третья человеческая фигура такой же величины, как и первая; одна рука поднята, другая протянута вперед и, расширяясь, соединена с рукой первой фигуры. Еще правее изображены стоящие одна над другой две лошади, нижняя из них стреножена. Вся сцена производит впечатление борьбы между двумя центральными фигурами (рис. 5, 1).

13. Группа из 11 неопределенных зверей, среди которых можно узнать большого оленя с растущими вверх ветвистыми рогами и маленького гор-

ного козла. С левой стороны вверху выбиты 3 изображения (одно неполностью), напоминающие следы человеческих ног (рис. 4, 4). На соседнем

Рис. 4. Наскальные изображения на северном холме Туль-Куне.

1 — группа 9-я; 2 — группа 19-я; 3 — группа 5-я; 4 — группа 13-я; 5 — группа 11-я.

выходе сланца выбито правильное изображение человеческого следа обутой ноги, пересеченного внутри двумя линиями.

14. Схематичное, нанесенное выбитой линией изображение человеческой фигуры с раздвинутыми руками. Голова изображения отбита (рис. 2, 5).

15. Стоящая человеческая фигура в высоком головном уборе (или с надетой на голову шкурой); против него изображен волк (?). Над спиной волка два неопределенных знака. Ниже — фигура горного козла, повернутая мордой вправо (рис. 2, 4).

16. Неопределенные линии, немного напоминающие китайские иероглифы (рис. 2, 3).

17. Фигуры четырех горных козлов, высеченных на сильно наклонной внутрь плоскости сланца, близко от земли. Для того чтобы их увидеть, необходимо лечь на землю.

18. Изображение скачущей вправо лошади, сделанное узкой выбитой линией, и шести горных козлов, также скачущих вправо, разделенных на две группы. В правой нижней группе, состоящей из четырех козлов, выбито сплошным силуэтом изображение неопределенного животного, мордой влево, перекрывающее голову одного и ноги другого козла. Над мордой лошади, также сплошным силуэтом, выбиты фигуры двух неопределенных животных мордой влево. Последние 3 фигуры выбиты явно позднее, чем первые (рис. 3).

19. Изображены слева направо: две фигуры горных козлов один над другим, повернутые мордами в разные стороны. У верхнего козла ноги соединены линией. Правее — неопределенные линии и еще далее — большая фигура горного козла, выбитая сплошным контуром, которая перекрывает изображение еще двух горных козлов, переданных очень схематично (рис. 4, 2).

Южный холм

1. Изображение человека и горного козла.

2. Семь отдельных плоскостей сланца с изображениями горных козлов и неопределенных животных.

3. На вершине холма, на горизонтальной плоскости сланца, выбитый круг с двумя перекрещивающимися линиями. Рядом изображений нет.

4. Изображение неправильного круга. Над ним неопределенное, по видимому, хищное животное (рис. 5, 3).

Холмы Туль-Куне являются наиболее богатыми по количеству изображений из всех обследованных пунктов.

6. Река Такыр. Изображения находятся в 3 км от ключа Тапор-Булак, вниз по течению р. Такыр. Всего отмечено 4 группы изображений, три из них находятся на одной скале; четвертая в 1 км вверх по Такыру. Все фигуры выбиты на вертикальных отдельностях сланца.

1-я группа. Человек, повернутый вправо, стреляющий из сложного лука вслед неопределенному хищному животному и горному козлу; выше — еще одно неопределенное животное. За стрелком из лука, несколько выше — 4 фигуры людей с расставленными в стороны руками (рис. 6).

2-я группа. Сплошь покрытая изображениями скала, площадью около 5 кв. м. Изображены фигуры людей, горных козлов, маралов, лошадей, верблюдов и неопределенных животных, без видимой связи отдельных изображений друг с другом.

3-я группа. Аналогична второй, но изображения выветрены и неясны.

4-я группа. Фигуры нескольких горных козлов и неопределенных животных. Все изображения выбиты сплошным силуэтом.

7. Сары-Булак. В ур. Сары-Булак, по течению р. Бердыбай на отдельной сопке, сложенной гладкими плитами сланца, изображены фигуры горных козлов, маралов и неопределенных животных. Все изображения выбиты сплошным силуэтом.

8. К а з а н ч у н к у р. Изображения находятся в 0.5 км от золотого рудника Казанчункур (на котором имеются следы древних работ), на одной из сопок, окаймляющих долину реки. На гладкой плоскости песчаника

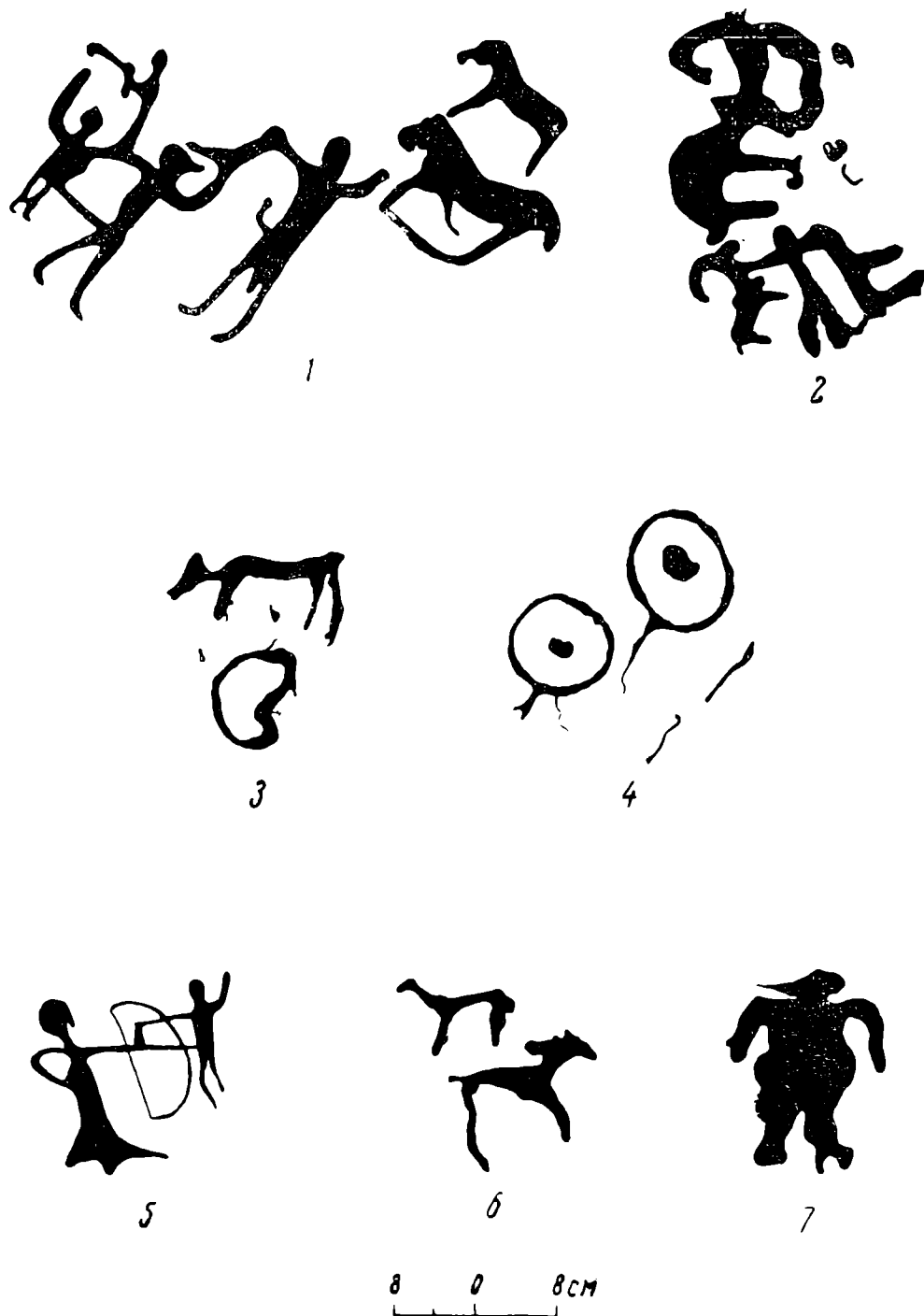

Рис. 5. Наскальные изображения на Туль-Куне;

1 — северный холм, группа 12-я; 2 — северный холм, группа 3-я; 3 — южный холм, группа 4-я;
4 — северный холм, группа 4-я; 5 — северный холм, группа 8-я; 6 — северный холм, группа 10-я;
7 — северный холм, группа 1-я.

лицом к реке выбито неопределенное изображение, напоминающее голову человека с плечами (плечи можно трактовать и как изображения горных козлов). Ниже неопределенные линии и фигуры, напоминающие головы

животных (горного козла и лошади) и еще ниже — схематические изображения человека, перевернутого вверх ногами, и горного козла.

9. О с т р и к о в о. Изображения находятся в 1 км от дер. Остриково, вверх по р. Кизыл-су, на вершине сланцевой сопки с топографическим знаком, поставленным на кургане с каменной насыпью. Изображения выбиты на отдельностях невысоких выходов сланца. Всего отмечено 4 группы изображений.

1-я группа. В логу между сопками 4 горных козла и неопределенное животное.

2-я группа. Два горных козла и одно неопределенное животное.

3-я группа. Два горных козла, один против другого.

Рис. 6. Наскальные изображения на р. Такыр (группа 1-я).

4-я группа. Трещиноватая отдельность сланца, шириной в 3 м, сплошь покрытая рисунками, разбивающимися на 9 участков (рис. 8, 2): а) неясные изображения четырех травоядных животных; б) изображение круга, под ним три неопределенных животных; в) три травоядных животных с чертой внизу ног (путы?) и один горный козел; г) семь неопределенных животных и фигура человека; д) три изображения травоядных животных с путами на ногах и один верблюд, рисунки выбиты один над другим (рис. 9, 3); е) фигуры двух травоядных животных с путами и два неопределенных изображения; ж) изображение горного козла (?) с двумя рогами, соединяющимися за спиной; ниже — фигура человека, ведущего за повод двугорбого верблюда; еще ниже — изображение верблюда (рис. 9, 2); з) изображения трех животных с путами на ногах и одного двугорбого верблюда, расположенные в вертикальном ряду; и) изображение хищного животного, повернутого вправо в профиль с вытянутыми вперед лапами и длинным хвостом, свернутым на конце в кольцо; над ним (ближе к хвосту) изображения горного козла и неопределенного животного; перед мордой хищника — животное, напоминающее горного козла, над которым выбита неясная фигура (рис. 9, 1).

10. Б о к о. Изображения находятся в 2 км на юго-запад от золотого рудника Боко. На трех плоскостях порфирировидных пород, обращенных

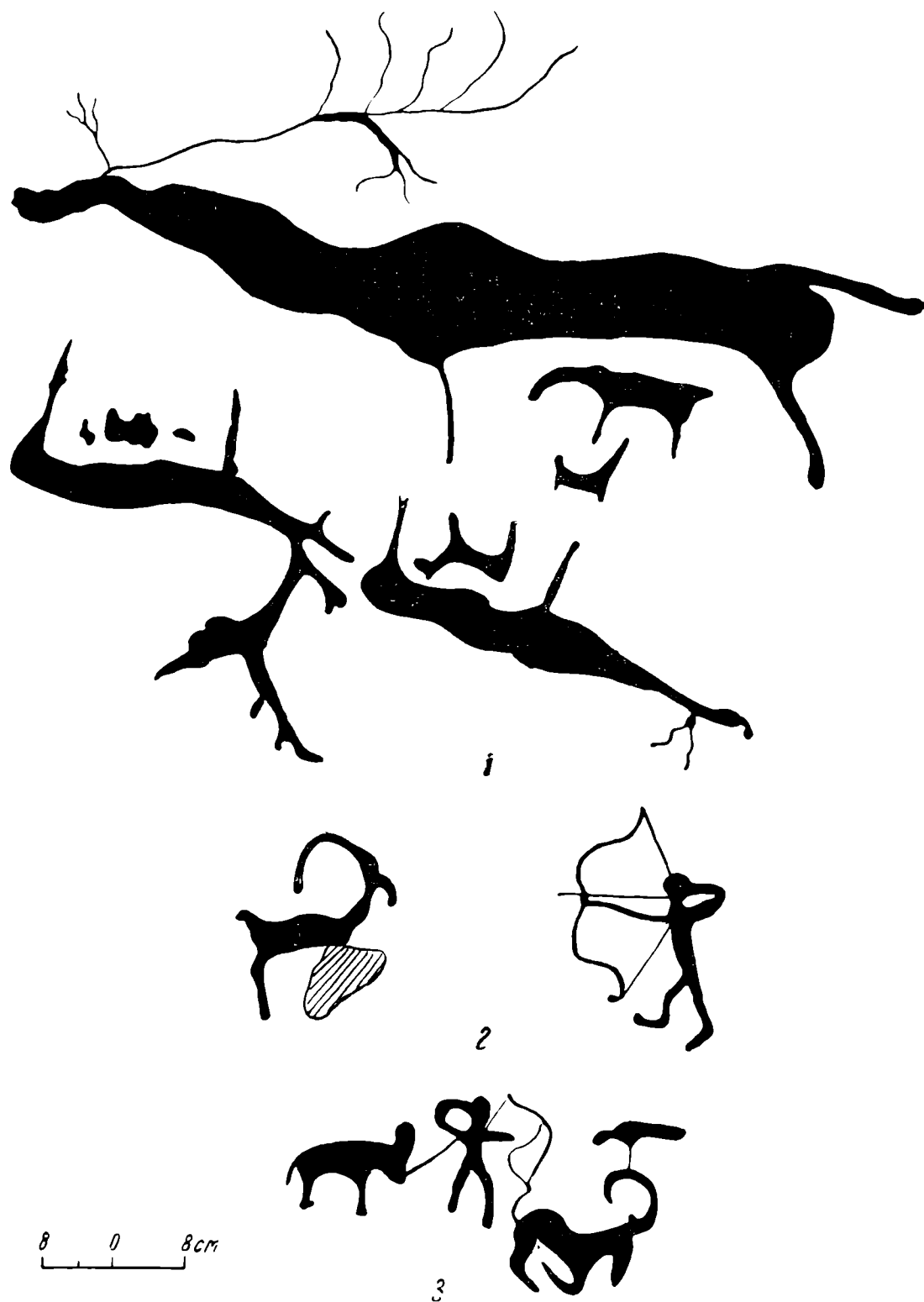
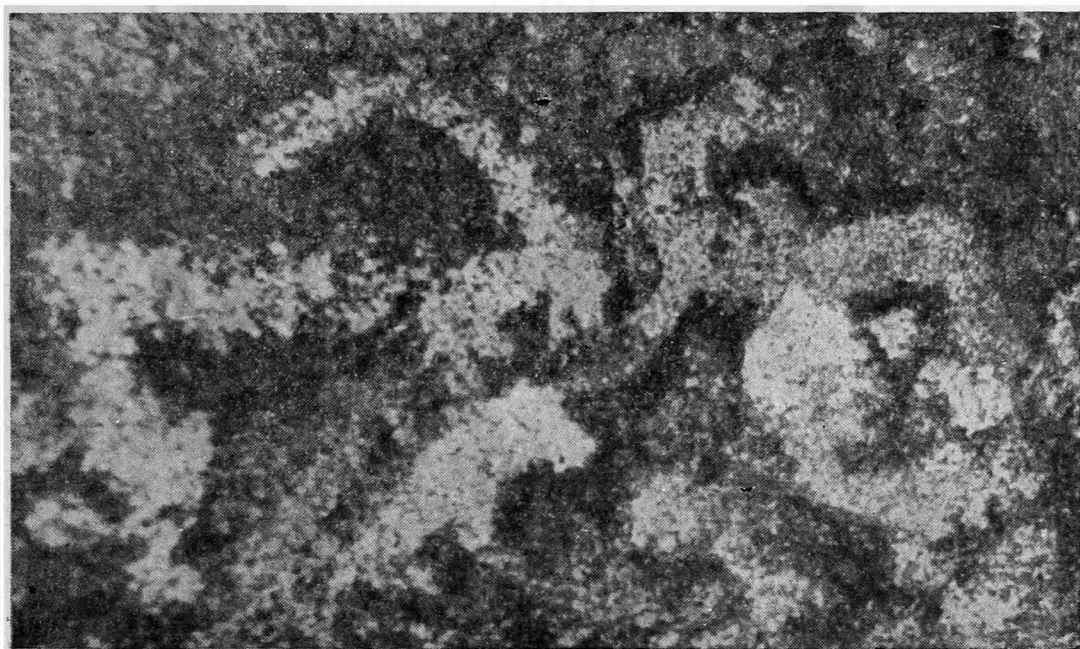

Рис. 7 Наскальные изображения в ур. Кула-Журга

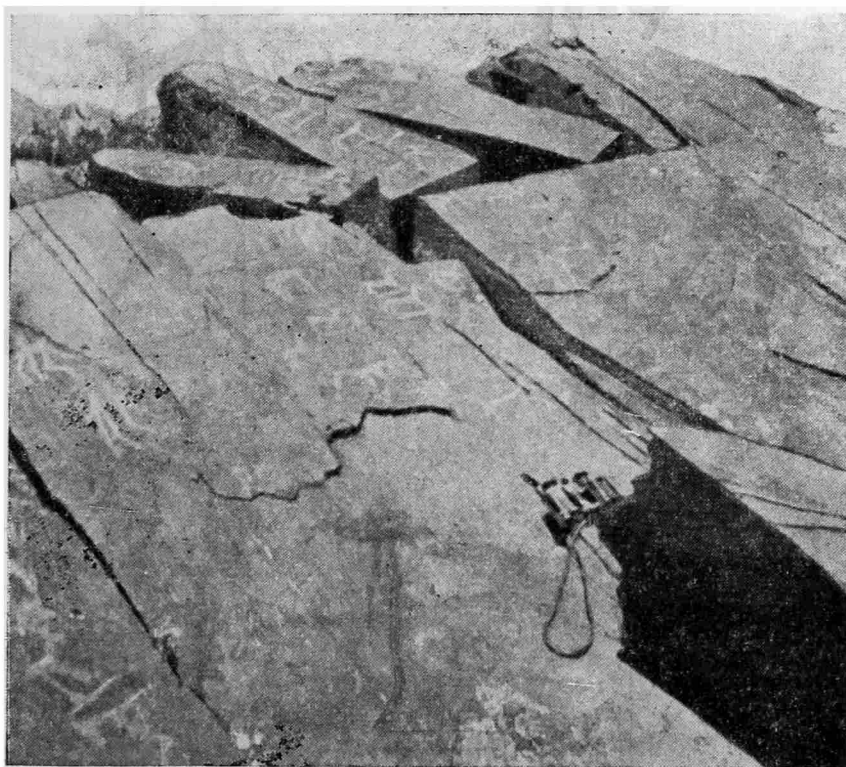
1 — группа 5-я; 2 — группа 2-я (левый участок камня); 3 — группа 2-я (нижний участок камня).

к востоку, выбиты изображения восьми горных козлов и трех неопределенных животных.

■ 11. Т а м у р а ш и I. В долине ключа Тамураши (в 5 км к югу от рудника Мынчункур) отмечены изображения на двух невысоких сланцевых

1

2

Рис. 8. Наскальные изображения.

1 — ур. Кула-Журга, группа 1-я; 2 — дер. Остриково, общий вид наскальных изображений группы 4-й.

холмиках, идущих в широтном направлении. Изображения выбиты на плоских отдельностях сланца и настолько сглажены от времени, что с трудом поддаются изучению; они разбросаны как группами, так и отдельными

фигурами, по всей длине обоих холмиков. Лучше всего сохранились 5 групп изображений.

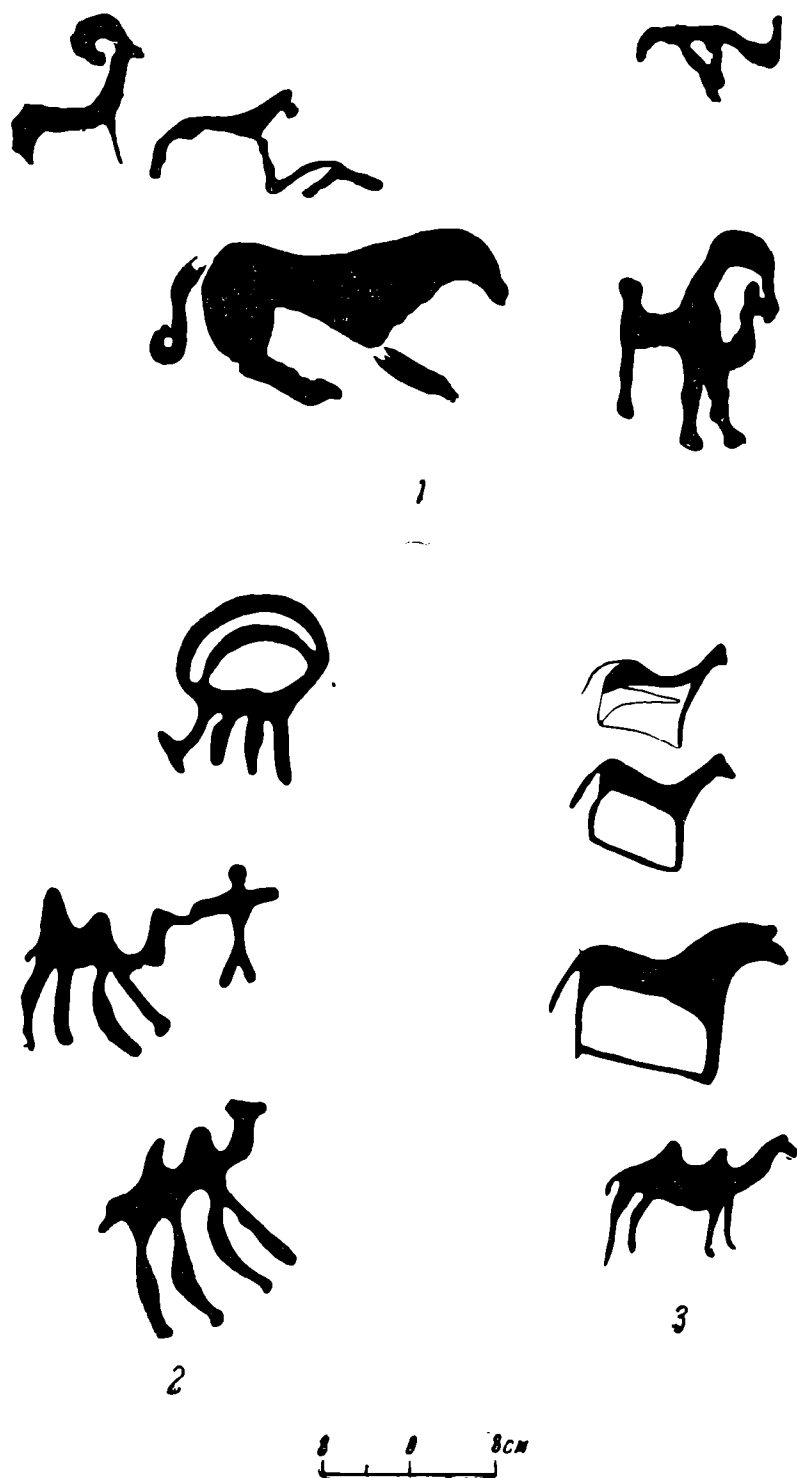

Рис. 9. Наскальные изображения у дер. Остриково.

1 — группа 4-я, участок и; 2 — группа 4-я, участок ж; 3 — группа 4-я, участок д.

1-я группа. Три или четыре, расположенные горизонтально, человеческие фигуры с расставленными руками и ногами; выбиты глубоко, широкой рваной линией (рис. 10, 2).

2-я группа. Изображение человека, который, согнувшись, стреляет из лука. Перед ним — два неопределенных животных с длинными хвостами.

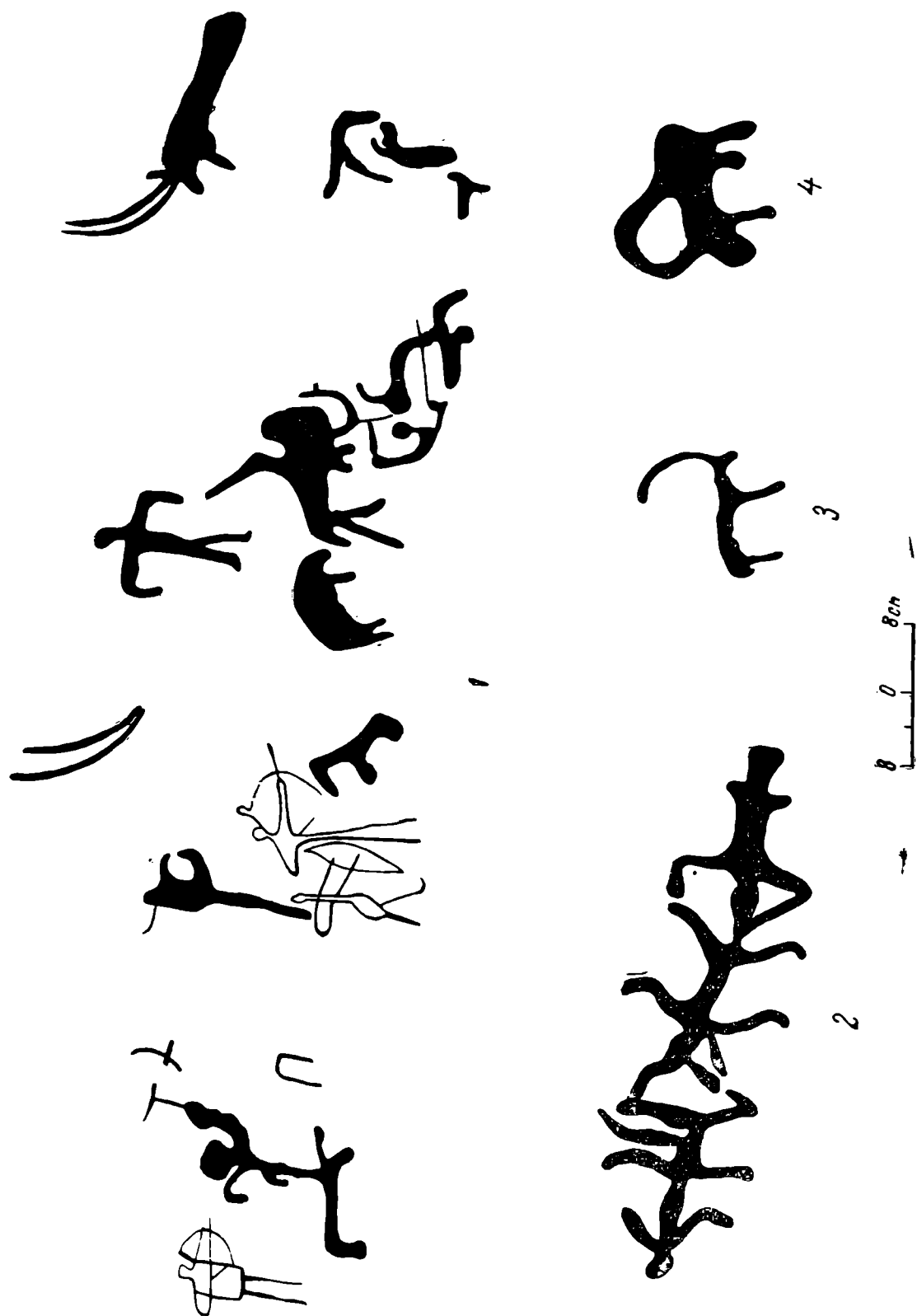

Рис. 10. Наскальные изображения в Тамураши 1.

1 — группа 3-я; 2 — группа 1-я; 3, 4 — отдельные изображения.

За фигурой стрелка изображение горного козла, а выше — человеческой фигуры, сделанной выбитой линией, с согнутыми ногами и с расставленными руками. Все эти изображения повернуты вправо. На 1 м правее — изображение неопределенного животного с длинным хвостом (аналогичное пер-

вым), повернутое мордой налево (рис. 11, 1); еще на 2 м правее — изображение трех человеческих фигур с расставленными руками, без ног.

3-я группа. Изображены слева направо: схематичная, сделанная врезанной линией, фигура человека, стреляющего из лука; сделанная выбивкой

1

Рис. 11. Наскальные изображения в Тамураши I.

1 — группа 3-я; 2 — группа 4-я.

фигура получеловека — полуживотного, повернутого вправо с поднятой рукой, держащей какое-то орудие (эту фигуру возможно трактовать и как всадника). Перед фигурой два неопределенных знака, сделанные выбивкой. Человеческая фигура с расставленными в стороны руками и поднятой ногой (с неправильными пропорциями тела). Под этой фигурой — изображения двух стрелков из лука (повернутые вправо, сделанные врезанной линией). Интересно отметить, что один стрелок стреляет из простого лука, а другой — из сложного; перед ними выбито неопределенное животное;

выше — пара длинных прямых рогов какого-то животного; далее идет изображение человеческой фигуры с раздвинутыми руками; под ним —

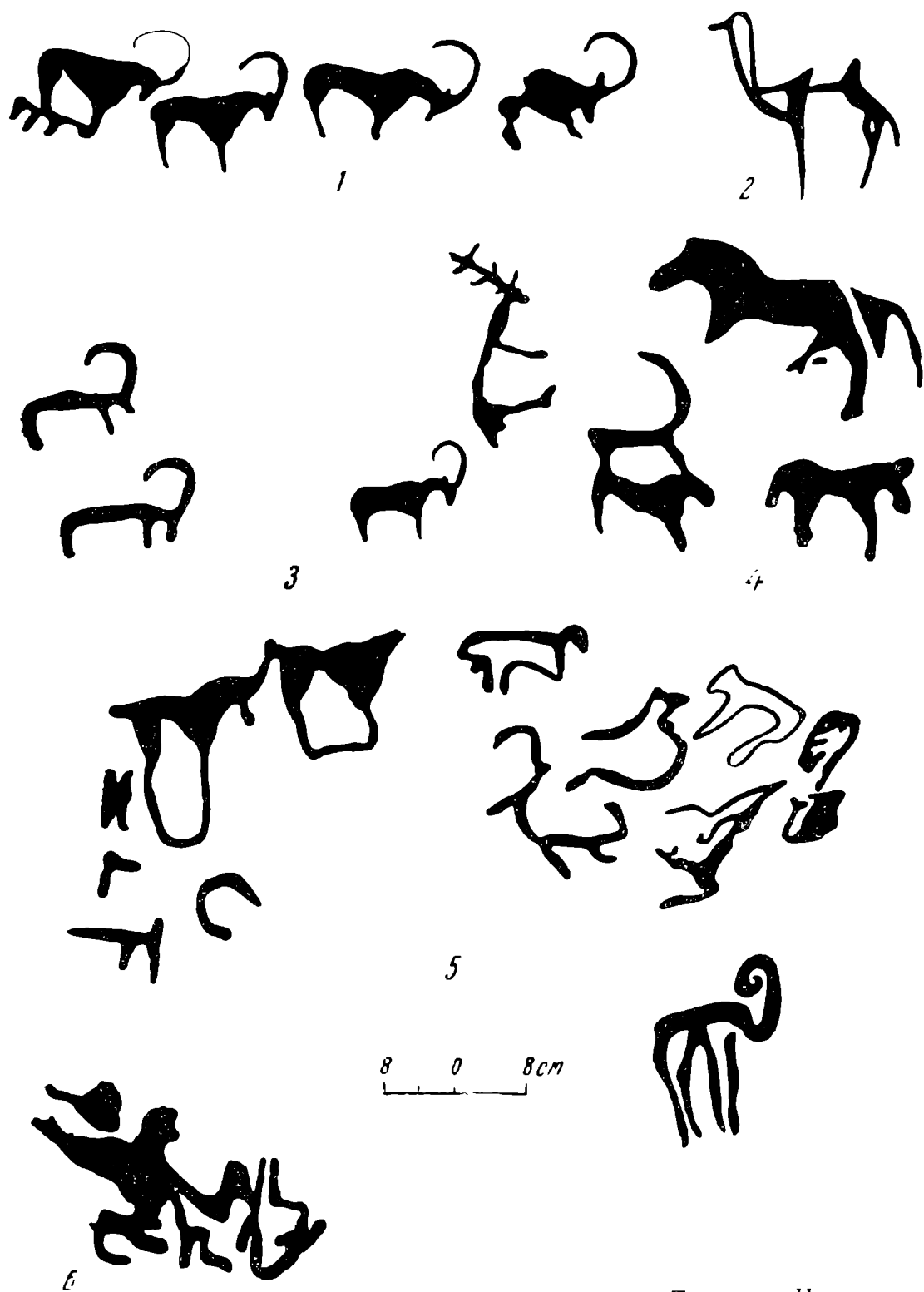
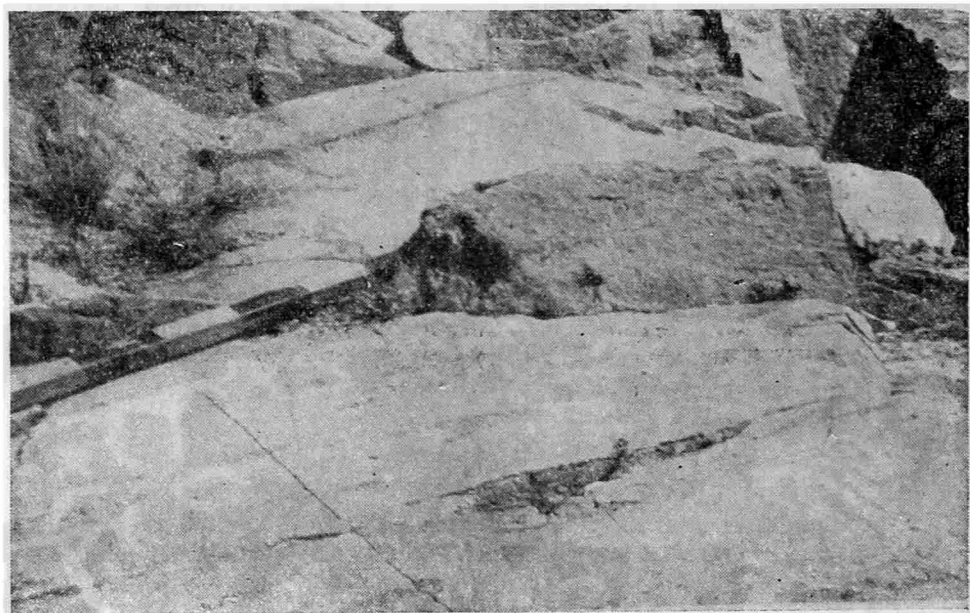

Рис. 12. Наскальные изображения аула Калабай и Тамураши II.

1—4 — в ауле Калабай (1 — группа 1-я; 2 — группа 2-я; 3 — группа 3-я; 4 — группа 4-я);
5—6 — в Тамураши II (5 — группа 1-я; 6 — группа 2-я).

неопределенное животное и сложный рисунок, среди которого можно различить голову человека с поднятой рукой, держащей какое-то орудие; правее — изображение животного с длинными прямыми рогами (такими

же, как и изображенные левее). Под этим животным — 3 неопределенных нака (рис. 10, 1).

1

2

Рис. 13. Наскальные изображения в Тамураши II.

1 — общий вид группы 1-й; 2 — общий вид группы 3-й.

4-я группа. Изображение человеческой фигуры, сделанное выбитой линией с расставленными в стороны руками. Одна рука переходит в линию, соединяющуюся со спиной неопределенного животного. Левее — задние ноги другого животного; направо — фигура животного с длинными рогами, аналогичными изображению 3-й группы (рис. 11, 2).

5-я группа. Две человеческих фигуры; одна с расставленными в стороны руками, другая с руками, упертыми в бока; правее — изображение

двух горных козлов (один из них расположен вертикально) и неопределенного животного.

12. Тамураши II. Изображения находятся на правом обрывистом берегу ключа Тамураши, на гладких выходах сланца. Отмечено 4 группы.

1-я группа. Изображено справа налево: 4 неопределенных знака, 2 травоядных животных, повернутых вправо, соприкасаются друг с другом голова к хвосту. Ноги у обоих животных соединены линией (спутаны ?). Переднее

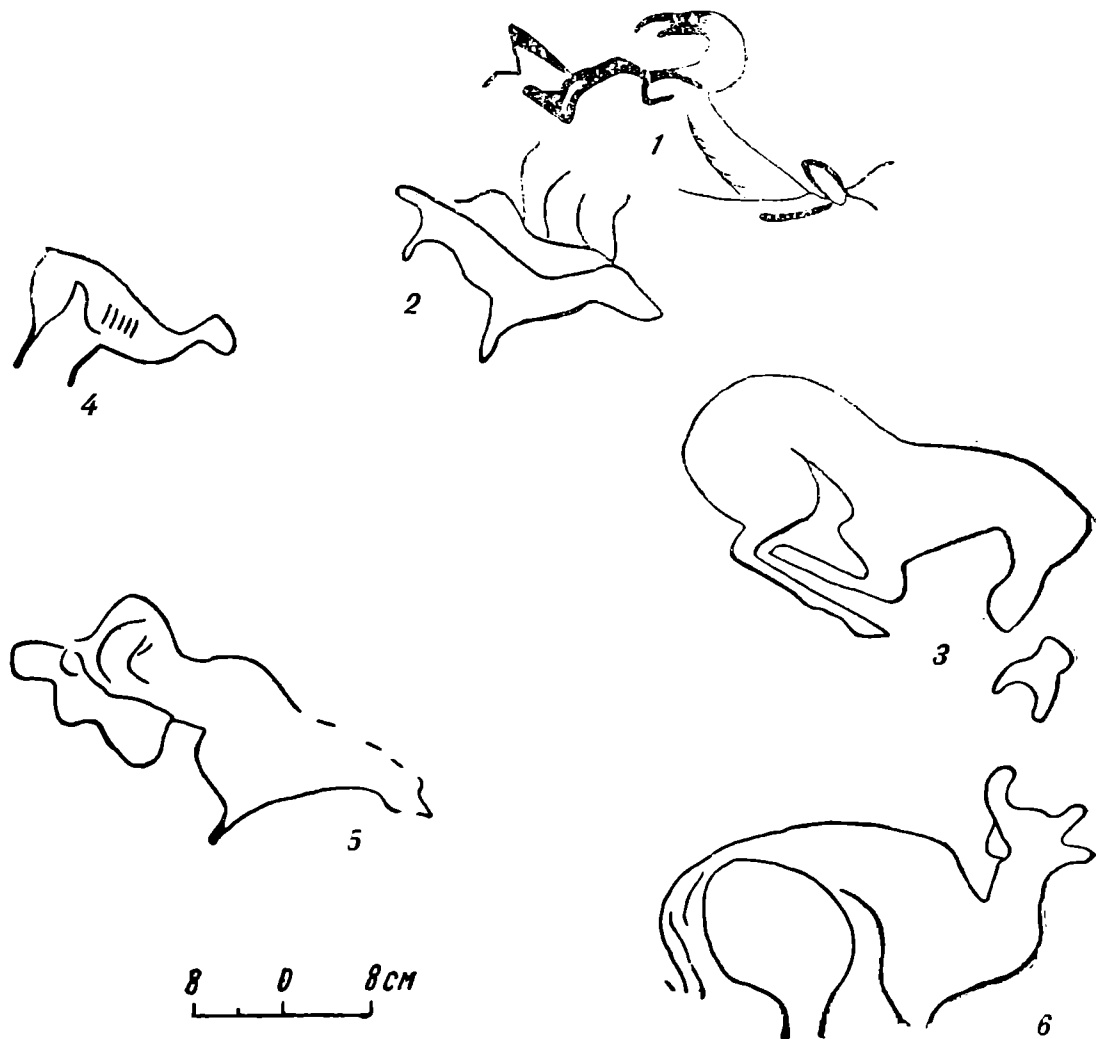

Рис. 14. Наскальные изображения в Тамураши II (группа 3-я, левая сторона).

животное без головы. Правее находится группа из семи изображений, из которых можно различить 3 неопределенных животных. У нижнего из них на ухе (или роге?) находится изображение, отдаленно напоминающее птицу. Одна из фигур сделана выбитым контуром, остальные — сплошной выбивкой. Ниже этой группы — фигура горного козла, сделанная очень схематично и неумело. Изображения выбиты на горизонтальной плоскости сланца, сильно выветрены и заросли мхом (рис. 13, 1 и рис. 12, 5).

2-я группа. Неясное изображение, выбитое сплошным силуэтом (рис. 12, 6).

3-я группа (рис. 13, 2). На горизонтальной плоскости сланца, разделенной примерно пополам трещиной, глубокой врезанной линией нанесены следующие изображения: по левую сторону трещины — неопределенное изображение, напоминающее поднятую на дыбы лошадь; часть рисунка (морда и перед-

ние ноги), видимо, позднее дополнена выбивкой (1); олень с закинутыми за спину ветвистыми рогами (2); лошадь, лежащая с поджатыми ногами. Перед мордой изображение, напоминающее перевернутый вверх дном сосуд (3); животное с обозначенными черточками ребрами, вероятно, самка оленя или козули (4); неопределенное изображение (5); травоядное животное с повернутой en face мордой (6). Изображения 2, 3, 4 и 6 повернуты вправо, остальные влево (рис. 14). По правую сторону трещины: вверх фигура кабана, под ним лежащий олень с закинутыми на спину рогами и хищное животное с обозначенными черточками когтями на обеих лапах и мордой, повернутой en face. За хвостом кабана — неопределенное животное без головы (рис. 15, 1).

4-я группа. В 200 м на север от 3-й группы на холме врезанной линией, на вертикальных плоскостях сланца, изображены горный козел и неопределенное животное (рис. 15, 2).

Все изображения сильно заросли мхом и мало заметны. Техника нанесения рисунка и стиль изображений последних двух групп резко отличаются от всех обследованных в этих районах петроглифов.

13. Ау л К а л а б а й. В 300 м на запад от аула Калабай на холме выбиты сплошным силуэтом на гладких выходах сланца 4 группы изображений.

1-я группа. 4 горных козла головами вправо, расположенные один за другим; у переднего неясно передана задняя часть тела, у заднего ноги соединены гребенкообразной фигурой (рис. 12, 1).

2-я группа. Схематическое изображение двугорбого верблюда, повернутого вправо. Рисунок дан выбитой точками линией (рис. 12, 2). В 2 м от него — неопределенное изображение в виде креста с изогнутой перекладиной.

3-я группа. Фигуры трех горных козлов, повернутых направо, и одного оленя с растущими прямо рогами, нарисованного вертикально (рис. 12, 3).

4-я группа. Изображение лошади, головой влево, с недорисованной передней ногой, и двух неопределенных животных (направо) (рис. 12, 4).

14. К л ю ч А л и б е к. В 5 км на запад от пос. Никитинка на вертикальных обрывах сланцевого берега ключа Алибек выбиты изображения: шести верблюдов, нарисованных частью прямо, частью боком, двух горных козлов, оленя и десяти неопределенных животных. Ниже, почти у самой воды, фигуры двух горных козлов (рис. 16, 1).

15. Д е р. У р а з б а й. В 50 м южнее деревни на вертикальных отдельностях сланца выбиты изображения пяти горных козлов, схематической человеческой фигуры и неопределенной фигуры в виде буквы Т (рис. 16, 2).

16. Г о р ы Д о л о н - К а р а. У начала подъема на западные отроги гор Долон-Кара, в 2 м слева от дороги, на горизонтальной плоскости сланца, среди ровной долины, находятся изображения, выбитые на двух камнях в 5 м друг от друга:

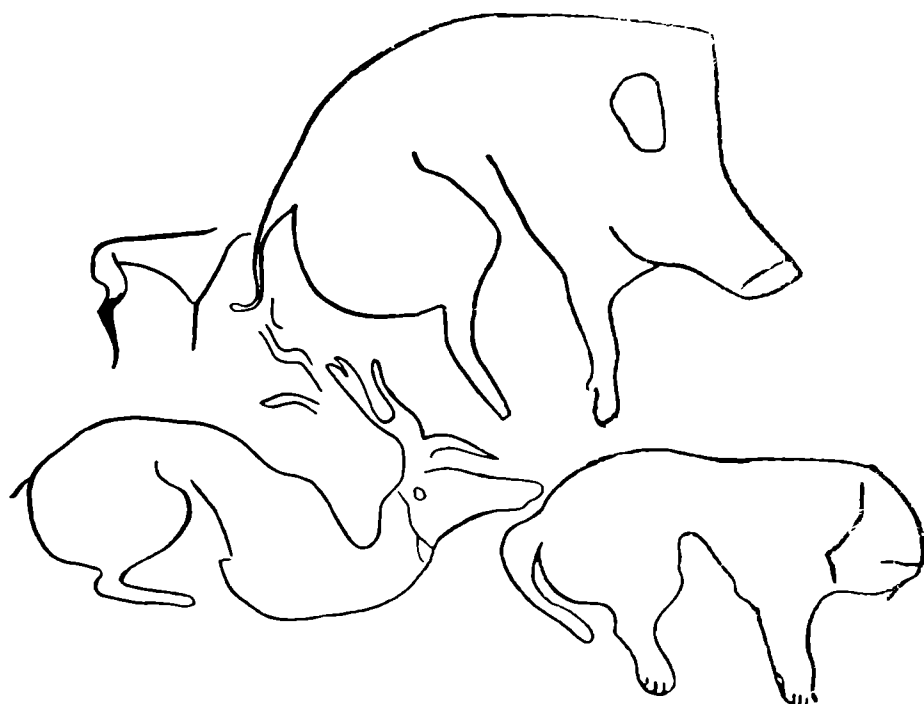
1-я группа: фигура горного козла, неопределенное животное и неясные знаки (рис. 17, 1);

2-я группа: фигура архара, прямоугольник с точкой в центре и отростком с правой стороны и неопределенные линии и знаки (рис. 17, 2). Сохранность обеих групп изображений очень плохая. Рисунки сильно выветрены.

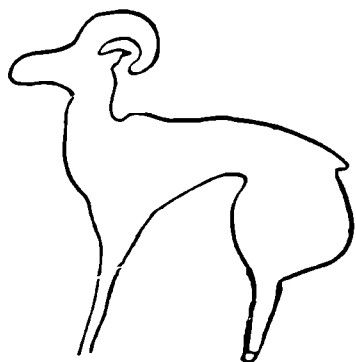
17. Р е к а К а л ь д ж и р. Изображения находятся на правом берегу р. Кальджира (в том месте, где река вырывается из гор на Зайсанскую равнину) и выбиты на разбросанных по берегу больших валунах аплита и обломках сланца. На большинстве валунов выбиты только отдельные фигуры горных козлов, иногда группами по 2—3 штуки. Наиболее интересны две группы.

1-я группа. Изображение двух архаров, упершихся лбами друг в друга.

За первым архаром — фигура человека, накинувшего ему на рога аркан. Внизу — неопределенное животное и линии (рис. 17, 5).

1

8 0 8 см

2

Рис. 15. Наскальные изображения в Тамураши II.

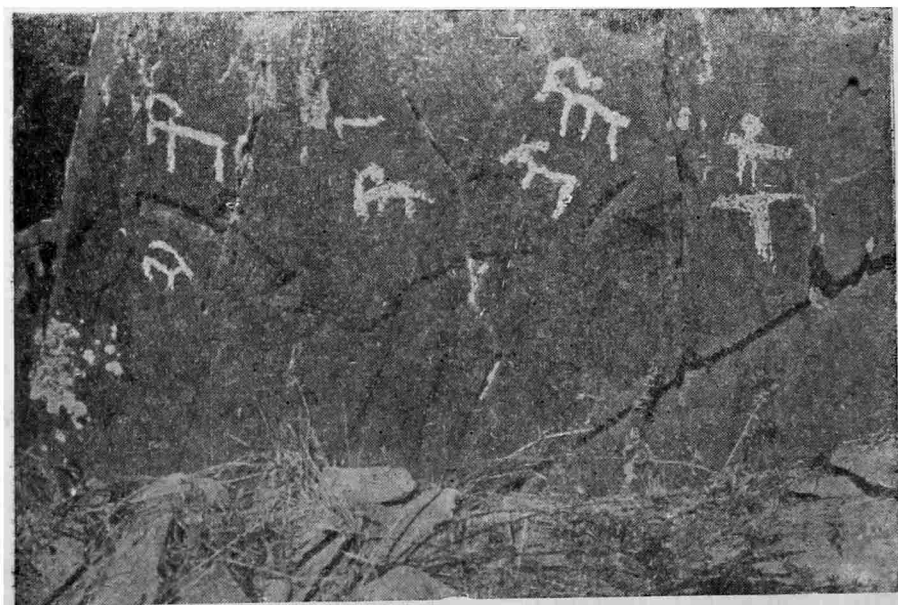
1 — группа 3-я (правая сторона); 2 — группа 4-я.

2-я группа. Неправильный круг с линиями внутри. Правее — выбитая кривая линия с отростками, напоминающая ветку или рог оленя, и неопре-

деленное изображение. Справа — схематическое изображение горного козла. На валуне выбиты еще 2 фигуры горных козлов и неопределенные изображения (рис. 18).

1

2

Рис. 16. Наскальные изображения в ключа Алибек (1) и у дер. Уразбай (2)

18. Сергеевка I. У дороги к р. Курчуму, на гладких вертикальных отдельностях сланца выбито 4 группы изображений.

Рис. 17. Наскальные изображения.

а) у горы Долон ара: 1 — группа 1-я; 2 — группа 2-я; б) у дер. Сергеевка: 3 — группа 4-я; 4 — группа 3-я; в) на р. Кальджир: 5 — группа 1-я.

1-я группа. Две человеческие фигуры, стоящие друг против друга; ниже — изображение горного козла; под ним — фигура человека, стреляющего из простого лука, и еще одна человеческая фигура. На этом же камне вырезана надпись на казахском языке арабскими буквами, передающая песню о Ленине.

2-я группа. Изображение человека с упертыми в бока руками; ниже — изображения четырех неопределенных животных; правее и еще ниже — человеческая фигура, стрелок с простым луком, олень и верблюд.

3-я группа. Изображение оленя, повернутого вправо. Ветвистые рога идут параллельно туловищу (рис. 17, 4). Рядом фигуры нескольких горных козлов и неопределенное животное.

4-я группа. Изображение трех горных козлов, повернутых вправо. Под ними — изображение получеловека-полужверя (туловище и голова человека, ниже идет туловище горного козла), поднявшего вверх руки с растопыренными тремя пальцами. Правее — стрелок с луком, от половины туловища которого идут перекрещивающиеся линии, переходящие в неопределенное изображение (рис. 17, 3).

19. С е р г е е в к а II. В 5 км от дер. Сергеевка изображения, выбитые на гладких отдельностях гранита, идущих под углом 30°. Изображены 5 горных козлов и фигура человека, упершего руки в бока, и 2 неопределенных животных.

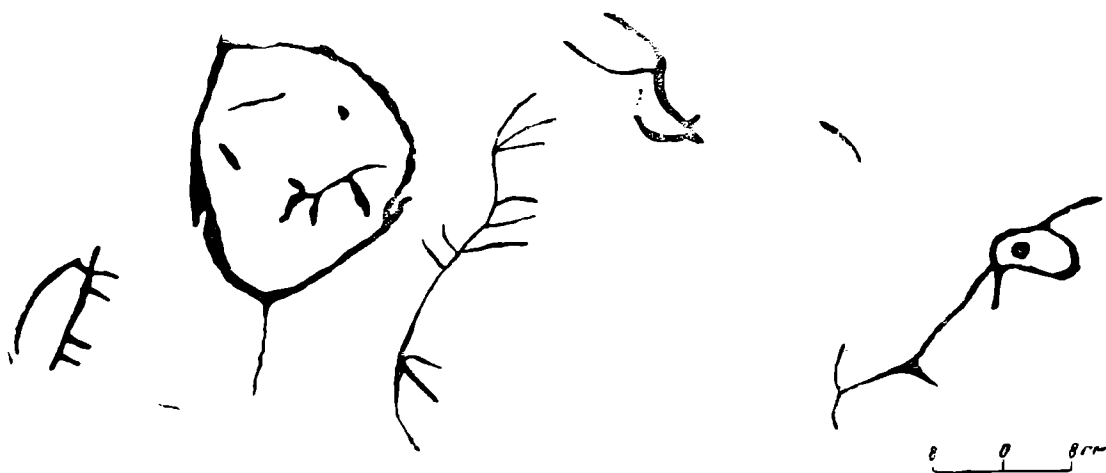

Рис. 18. Наскальные изображения на р. Кальджир (группа 2-я).

В перечисленные группы вошли только изображения, обследованные нами лично. Помимо них, в этом районе безусловно имеется значительное количество пунктов наскальных изображений, оставшихся неучтенными. О многих из них мы слышали рассказы местных жителей, весьма, впрочем, неясные, как в отношении места, так и содержания рисунков.

По ознакомлении со всеми 19 пунктами наскальных изображений, можно отметить следующее.

1. Стиль и сюжеты изображений, а также и техника нанесения рисунка — на всех пунктах одни и те же. Исключение, но и то только в отношении техники и стиля представляют Тамураши II. Все рисунки сделаны очень схематично, часто неумело, но всегда с хорошим знанием особенностей изображаемых животных (рога козла и оленя, голова верблюда и т. п.). Изображения человека удавались древним художникам меньше. Голова изображается всегда неправильным кружком, ноги, руки и туловище в виде палочек, фигуры статичные, движение и мускулатура человеческого тела переданы плохо. Фигуры же животных сделаны с большой наблюдательностью. Видно, что художник сумел схватить их характерные особенности. Рисунки разбросаны по поверхности камня без всякого видимого порядка и соблюдения законов перспективы, и мы встали бы на опасный путь, если

бы начали искать в них каких-либо сложных сюжетных композиций. Исключение составляют группы, довольно немногочисленные, связанные между собой определенными линиями, указывающими на единство композиции. Далеко не всегда соблюдается и горизонтальность фигур: попадаются изображения, выбитые боком или вверх ногами, т. е. совершенно произвольно.

2. При взгляде на расположение рисунков становится ясно, что изображения делались не с эстетической целью. Часто встречаются отдельные фигуры, выбитые почти у самой земли, на наклонной плоскости камня, обращенной к земле (например Туль-Куне), или на горизонтальных плоскостях (Кур-сай, Долон-Кара, Туль-Куне) и т. п. Цель изображений была, безусловно, только магическая, что давно уже доказано для целого ряда наскальных изображений, находящихся в других районах. Подтверждение этому положению, как мне кажется, с убедительностью вытекает из ознакомления с сюжетами наших изображений, к которым мы и перейдем.

Чаще всего встречаются профильные изображения горного козла (*Saiga sibirica*), которого всегда легко можно узнать по характерным загнутым назад рогам. Козлы изображались по одному или группами. Реже встречается олень (*Cervus elaphus Maral*) с ветвистыми большими рогами, обращенными вверх или закинутыми на спину. В некоторых фигурах (например Остриково и Тамураши I) можно видеть безрогих самок марала. Интересно отметить, что они изображены стреноженными. В двух пунктах (Долон-Кара и Кальджир) изображены горные бараны (*Ovis Argali*).¹ Примерно так же часто встречаются изображения лошадей и двугорбых верблюдов (*Camelus bactrianus*). На то, что это домашние, а не дикие животные, указывают путы на ногах лошади (Туль-Куне, группа 12-я) и человеческие фигуры, держащие за узду лошадь (Туль-Куне, группа 2-я) и верблюда (Остриково, группа 7-я). В двух местах (Остриково, группа 9-я и Тамураши II, группа 3-я) мы имеем изображения хищных животных семейства кошачьих,² в спокойных позах с подогнутыми лапами, и в одном случае, повидимому, волка (Туль-Куне, группа 15-я). Надо отметить также большую группу животных, определить которых с точностью невозможно. Изображений рыб, ящериц, змей и растений встречено не было. Нет также и изображений домашнего быка, овцы и птиц. Помимо животных изображались фигуры людей, иногда по одной, иногда объединенные в какую-то определенную сюжетную композицию. Часто встречается фигура человека, стреляющего из лука.

Таковы основные сюжеты многочисленных отдельных изображений, никак композиционно между собой не связанных. Несомненно, что в эпоху ранних кочевников (которой мы и датируем большинство иртышских изображений)³ олень, горный козел, архар и тигр считались предками-тотемами племен, населявших территорию южной Сибири и Казахстана. Излюбленным сюжетом всего изобразительного искусства того времени являются именно эти животные. Пережитки подобных представлений до недавнего времени сохранились у алтайцев в виде связи шамана и его бубна с оленем, почитания архара как духа гор, и в целом ряде других обрядов и верований.⁴ Естественно, что человек, выбивавший на камнях изображение своего тотема, делал это с вполне определенной целью — получить его помощь в своей практической деятельности. Наиболее пригодными для этого считались определенные возвышенные места, где мы и встречаем боль-

¹ Архары встречаются и на других пунктах наскальных изображений, но не столь явно выраженными рогами. Необходимо отметить, что в целом ряде случаев бывает очень трудно определить, какое животное изображено — козел или баран.

² Вероятно, тигр (*Felis tigris*) или ирбис (*Uncia uncia*), последнее вероятнее.

³ На вопросах датировки наскальных изображений я остановлюсь ниже.

⁴ Л. П. Потапов. Следы тотемистических представлений у алтайцев. Сов. этнография, 1935, № 4—5.

шинство изображений. Некоторым подтверждением этой мысли является тот факт, что человеческие фигуры на наших наскальных рисунках часто изображались стреляющими из лука, который является, по сути дела, единственным ясно различимым оружием. Л. П. Потаповым доказано, что в шаманстве алтайцев лук и стрела предшествовали бубну и с древнейших времен играли определенную магическую роль.¹ Исходя из этого, мы можем поставить вопрос: не являются ли те композиции, которые нам кажутся сценами охоты, изображением каких-то магических действий человека перед своим тотемом?

Особо нужно остановиться на отдельных изображениях и группах, которые в какой-то степени отражают религиозно-магические представления людей, их сделавших. Сюда, по нашему мнению, относятся следующие композиции.

1. Туль-Куне, группа 12-я. Изображена сцена, видимо, иллюстрирующая какой-то миф. Человеческая фигура с головой животного или птицы (судя по длинному вытянутому носу) удерживает на привязи сходящую сзади женщину (если выступ на теле трактовать как грудь) со связанными ногами. С первой фигурой борется человек (оружие изображено неясно), за которым стоят две лошади, одна из которых стреножена. Невольно приходят на ум мотивы сказок самых разнообразных народов, где герой после долгих поисков отбивает от чудовища похищенную им красавицу. Не настаивая именно на такой трактовке данной группы, все же нельзя не признать, что здесь мы имеем дело с определенной сюжетной композицией.

2. Туль-Куне, группа 3-я. Изображен человек, держащий на вытянутых руках за шею горного козла и неопределенное, повидимому, хищное животное (судя по короткой, круглой морде).

3. Туль-Куне, группа 15-я. Человеческая фигура, одетая в звериную шкуру или маску, стоящая напротив животного, напоминающего волка. Ниже — изображение горного козла. Над фигурой волка — два неопределенных знака, могущие быть трактованными как лунарные. Вся сцена производит впечатление одного из моментов первобытной магии.

4. Кула-Журга, группа 2-я. Фигура человека, натягивающего простой лук и ведущего сзади себя на поводу неопределенное животное с большим ухом и коротким хвостом. Нижняя часть тетивы лука разорвана и соединяется с хвостом лежащего с подогнутыми ногами горного козла. На рогах у этого последнего — неясное изображение, напоминающее хищную птицу. Здесь любопытна связь горного козла с птицей, наблюдаемая также и в скифском искусстве.²

5. Ключ-Кочунай. Изображение человека верхом на горном козле. Впереди — фигура, которую можно понять как кентавра (получеловека-полуживотное), с поднятыми вверх руками. Ниже — изображение всадника на лошади.

6. Дер. Сергеевка I, группа 4-я. Под изображениями трех горных козлов находится фигура, у которой верхняя часть туловища человеческая с поднятыми вверх руками, а нижняя, от пояса, горного козла (что можно определить по трактовке задней части туловища).

7. К этому же сюжету надо отнести и изображение не то кентавра, не то всадника в сложной композиции Тамураши I, группа 3-я. Человеческая фигура с поднятой рукой, держащей какой-то предмет в виде буквы Т, поставлена на туловище животного со змеиной (?) головой.

¹ Л. П. Потапов. Лук и стрела в шаманстве у алтайцев. Сов. этнография, 1934, № 3.

² Например, золотое изображение орла, держащего в когтях горного козла из Сибирской коллекции Эрмитажа (см.: Толстой и Кондаков. Древности эпохи переселения народов.). Аналогия здесь, конечно, не формальная, а смысловая.

Все эти композиции характеризуются тесной связью и взаимодействием человека и животного, причем в большинстве их мы имеем того же горного козла. Наряду с реалистическими изображениями, здесь мы имеем фантастические фигуры полулюдей, полуживотных. Подобные сюжеты для эпохи ранних кочевников (а также и в более позднее время) не могли быть ничем иным, как отображением в искусстве тотемистических представлений. Наряду с тотемизмом, мы видим также отображения и космических представлений первобытного мышления, к которым следует отнести изображения, как мне кажется, солнца на вершине холмов Туль-Куне (группа 4-я и 1-я южная). Это изображения неправильных кругов с отростками (лучами?) и с точкой в центре или с поперечными перекладинами. Около одного из этих кругов — фигура неопределенного животного. Характерно, что эти изображения находятся на самой вершине обоих холмов, на горизонтальной плоскости сланца, как бы венчая все комплексы рисунков. Сюда же можно отнести и изображение круга на р. Кальджир.

Наконец, многочисленнейшие изображения горных козлов, помимо их тотемного значения, подобно оленю, также, видимо, были связаны с солнечным культом.¹ Они часто встречаются в степях на громадном пространстве от Монголии до Афганистана.² Столь широкое распространение изображений именно горного козла, да к тому же и сделанных в одной манере и одной техникой, на такой большой территории, а также сходство других сюжетов — явление безусловно не случайное. Вероятно, мы здесь имеем дело с большим сходством первобытных религиозно-магических представлений, в какой-то отрезок времени одинаковых для всех этих территорий.³

Наконец необходимо остановиться на композиции Кула-Журга, группа 5-я. На вертикальной плоскости гранита, на высоте 2—3 м находится изображение оленя, сильно вытянутого в длину, стонкими ветвистыми рогами, закинутыми за спину. Под брюхом у него — небольшое животное с длинной шеей. Ниже — две фигуры оленей (один с ветвистыми рогами, другой только с двумя отростками), перевернутые вверх ногами. Под брюхом у правого оленя, также вверх ногами, — изображение маленького, неопределенного животного. Вся композиция, по стилю рисунков и по степени выветренности гранита, производит впечатление одновременности исполнения. Расположение фигур этих оленей служит ярким доказательством того, что все наскальные изображения не есть зарисовки с натуры, а являются определенными религиозно-магическими представлениями первобытного мышления, запечатленными в рисунке. Многие исследователи, становясь на путь чисто рационалистического объяснения наскальных изображений, принуждены делать большие натяжки и применять изрядную дозу воображения, чтобы увидеть, например, собиравшие птичьих яиц,⁴ торговый караван⁵ или облавную охоту.⁶ Из этого, конечно, не следует,

¹ Н. Я. Марр. Лингвистически намечаемые эпохи. Избр. работы, т. III, стр. 59.

² См. Г. И. Боровко. Археологическое обследование среднего течения р. Толы. Сев. Монголия, II, 1927. — *Arhelgep-Kivalo, Altaische Kunst-denkmäler*, Helsingfors, 1931, рис. 314 (изображения козлов на р. Чарыш — притоке Енисея). — В. А. Городцов. Скальные рисунки Тургайской области. Тр. ГИМ, I, М., 1926. — Н. И. Вавилов и Д. Д. Букенич. Земледельческий Афганистан, стр. 111.

³ В этой связи очень любопытен факт пережитков древнего тотемного культа горного козла в Таджикистане. См. статью Н. Кислякова «Бурхогорный козел» (Сов. этнография, 1934, № 1—2).

⁴ С. В. Киселев. Значение техники и приемов изображения некоторых енисейских писаниц. ТСА РАНИОН, т. V.

⁵ В. А. Городцов. Скальные рисунки Тургайской области. Тр. ГИМ, I, М., 1926, стр. 46.

⁶ Г. П. Сосновский. Писаницы на гор. Кызыл-тах. КС ИИМК, VI, 1940. — Нами взяты только последние высказывания по этому вопросу. Несостоя-

что наскальные изображения ничего не дают для историка материальной культуры и никак не отражают жизни людей, их создавших. Наоборот, при условии точной их датировки они являются не только почти единственными памятниками монументального изобразительного искусства, но и ценным историческим источником, сохранившим нам такие детали давно минувшей жизни, которые не прослеживаются по другим видам памятников. Сошлемся для примера на знаменитую «Боярскую писаницу» с ее изображениями жилищ.¹ Но и там, несмотря на всю жизненность изображений, представлено явно не реальное поселение, а сцена, отображающая какие-то сложные, религиозно-магические представления, на что указывает, например, подгоняемое пастухом к поселку стадо оленей. Исходя из изложенного, нам думается, что и к совершенно, казалось бы, реальным сценам, лишенным каких-либо признаков сверхъестественности, надо подходить не как к памятникам чисто изобразительного искусства, а как к рисункам, отображающим какие-то идеологические моменты. К таким сценам в наших изображениях относятся следующие: 1) борьба двух архаров с трактованными в виде спиралей рогами и упершихся лбами друг в друга, одного из которых ловит арканом стоящий сзади человек (Кальджир); 2) фигура женщины (Туль-Куне, группа 1-я); 3) сцена борьбы двух человек, один из которых вооружен луком, а другой топором (Туль-Куне, группа 8-я); 4) человек, стреляющий вслед горному козлу (Туль-Куне, группа 5-я); 5) группа, видимо, танцующих людей (Тамураши I, группа 1-я); 6) человек, ведущий под уздцы лошадь (Туль-Куне, группа 2-я); 7) человек, ведущий под уздцы верблюда (Остриково, группа 7-я), и ряд других.

Встречаются и неопределенные рисунки, значение которых пока не может быть разгадано. К ним относится изображение, напоминающее китайский иероглиф (Туль-Куне, группа 16-я), фигуры в виде человеческих следов (Туль-Куне, группа 13-я) и неопределенные линии на Долон-Кара.

Таково в кратких чертах содержание верхнеиртышских наскальных изображений. Мы видим, что сюжет всех рисунков довольно однообразен. Преобладают фигуры животных как диких, так и домашних (последних гораздо меньше), реже встречаются фигуры людей. В целом ряде изображений мы можем проследить отражение тотемистических, а также и космических представлений, подробный разбор которых уже не входит в задачу настоящей статьи.

Обращает на себя внимание тот факт, что подавляющее большинство изображений повернуто вправо. Если мы произведем подсчет, то окажется, что головой направо изображены 126 животных, а головой налево только 37; 9 стрелков из лука обращены направо и только один налево. Человеческие фигуры (там, где это можно установить) в девяти случаях повернуты направо и в трех — налево. Это же наблюдение прослеживается и по наскальным изображениям других районов. На р. Мане (приток Енисея) из 51 животного 48 повернуты вправо.² На Онежском озере 138 фигур животных и птиц смотрят головой направо и 69 — налево;³ на Енисее (Сулек. Писанная гора) 133 фигуры — направо и 31 фигура — налево.⁴ Несмотря на то, что приведенные примеры разновременны (от неолита и до VII—VIII вв.), наблюдение это прослеживается всюду. Думается, что это не случайно. Н. Я. Марр указывает, что как раз на стадии тотемно-косми-

тельность подобных взглядов с наибольшей убедительностью показал В. И. Равдоникас в 1936 г. (см.: Сов. археология, I, III, IV).

¹ М. П. Грязнов. Боярская писаница. Проблемы, 1931, № 7/8.

² А. Адрианов. Писаницы на р. Мане. ЗОРСА, т. IX, стр. 1.

³ В. И. Равдоникас. Наскальные изображения Онежского озера. М.—Л., 1936, ч. I.

⁴ Appelgren-Kivalo, ук. соч., рис. 66—77.

ческих представлений первобытного мышления левая сторона означает смерть, преисподнюю, неудачу, в противоположность правой.¹ Пережитки этого представления сохраняются и до настоящего времени, хотя бы в поговорке «левша — окаянная душа». То, что большинство изображений животных и людей смотрит вправо, может подчеркивать, что все они обращены к жизни и на жизнь влияют. Отмеченный факт нельзя объяснить рационалистически, так как удобнее, наоборот, рисовать профиль животных и людей налево, а не направо. Подтверждением этому могут служить наблюдения над детскими рисунками народностей Сибири, где произведенный подсчет дал 65 изображений животных, повернутых головой налево и 22 — направо (из них 8 в одном рисунке).² Следовательно, дети, как впрочем и взрослые, чаще рисуют фигуры людей и животных налево, чем направо. Отнюдь не считая этого вопроса решенным, я считаю необходимым выдвинуть его в качестве гипотезы.

Перейдем теперь к вопросу о датировке этих памятников. Прежде всего необходимо отметить трудность, а зачастую и невозможность, сколько-нибудь удовлетворительного разрешения этого вопроса. Подобные рисунки могли выбиваться и действительно выбивались в течение очень долгого времени, вплоть до современности. Выветренность камня — очень ненадежный признак, даже для относительной хронологии. Почти никаких памятников древности, которые позволили бы датировать изображения, рядом с ними нет.³ Позднекочевнические курганы с каменными насыпями, находящиеся рядом с некоторыми из пунктов, явно с ними не связаны и насыпаны позднее. Это видно у дер. Остриково, где такой курган насыпан из обломков плит, на которых выбивались изображения. Таким образом, верхняя хронологическая грань большинства этих рисунков определяется VIII—X вв. н. э.⁴ Из этого, конечно, не вытекает, что какая-то часть изображений не могла быть выбита и еще позднее. Однако и в самих изображениях есть кое-какие элементы для датировки. Если мы сравним наши рисунки с изображениями Карелии,⁵ то увидим, что сюжеты их становятся более сложными (хотя принципиально они и не выходят из того же круга образов). Появляются изображения домашних животных, людей, вооруженных луками (простыми и сложными) и топорами, и т. п. Все это заставляет нас относить иртышские изображения к значительно более позднему времени, чем неолит, с более развитой системой хозяйства и религиозно-магических представлений. Тот факт, что наряду с дикими часто встречаются и рисунки домашних животных, но зато совершенно нет земледельческих сюжетов, заставляет нас думать, что население, оставившее нам большинство этих изображений, вело уже кочевой образ жизни. Переход к кочеванию для Казахстана определяется VI—V вв. до н. э. Предшествующая здесь ранним кочевникам Андроновская культура была земледельческо-пастушеская, и у нас нет пока никаких оснований относить к ней наши изображения. Таким образом, у нас определяется, более или менее точно, верхняя и нижняя хронологическая граница: VI—V вв. до н. э. — VIII—X вв. н. э.

¹ Н. Я. Марр. 'Смерть' ← 'преисподняя' в месопотамско-эгейском мире. Избр. работы, т. II, 1936, стр. 141.

² П. Ф. Требуховский. Детский рисунок туземных народов Сибири. Сиб. Живая старина, вып. II (VI), Иркутск, 1926.

³ Например, памятников, подобных неолитическим стоянкам близ наскальных изображений Онежского озера. В. И. Равдоникас, ук. соч. (статья Б. Ф. Землякова, стр. 111).

⁴ С. А. Теплоухов. Опыт классификации культур Минусинского края. МЭР т. IV, вып. 2. Мои разведочные раскопки 1937 г. одного из этих курганов с каменной насыпью в ур. Кула-Журга подтвердили эту датировку и для Восточного Казахстана.

⁵ В. И. Равдоникас, ук. соч., М. — Л., 1936. — Он же. К изучению наскальных изображений Онежского озера и Белого моря. Сов. археология, I, стр. 9.

В пределах этого большого отрезка времени мы и должны попытаться уточнить датировку. Прежде всего, нам необходимо выделить из всей остальной массы группу Тамураши II. По технике, стилю и мастерству исполнения эти изображения резко отличны от всех других, и на них нужно остановиться в первую очередь. Уже при первом взгляде бросаются в глаза мастерство рисунка и реалистичность стиля. Совершенно иная и техника нанесения изображений. Вместо сплошного силуэта, терпеливо выбитого частыми ударами, здесь мы имеем врезанную линию, глубиной 0.3—0.5 см, суживающуюся книзу. Линии прорезаны каким-то острым орудием, оставившим ровные края, уверенной рукой, без ошибок и поправок. Этим всем группа Тамураши II отличается от остальных наскальных изображений Прииртышья. Однако есть и черты сходства. Так же как и всюду, те же животные даны без всякой сюжетной связи друг с другом. И здесь мы видим фигуру горного козла, оленя, лошади и хищника, но выполненные в совершенно другой художественной манере.

В рисунке нет никакого схематизма. Животные нарисованы с большим реализмом и наблюдательностью. В фигурах хищника и лани художник пытался передать, как нам кажется, головы этих животных *en face*, что, однако, удалось ему не вполне.¹ Новым в этой группе является фигура кабана, отсутствующая на остальных пунктах наскальных изображений. При взгляде на эти мастерские рисунки невольно поражаешься и их сходством по стилю и сюжету с изображениями животных в скифском искусстве. Расположение поджатых ног у лошади (одна над другой) и расстановка фигур и животных в один ряд, головой к хвосту, — эти типические черты известны нам на весьма многих памятниках как скифского искусства, так и искусства ранних кочевников Сибири.² Наиболее близкими аналогиями к нашим изображениям являются следующие предметы: 1) костяная пластинка с врезанными изображениями двух оленей, лежащих с поджатыми ногами. Пластинка эта происходит из скифского кургана близ с. Жаботин б. Черкасского уезда Киевской губернии³ и датируется по остальному комплексу V в. до н. э.; 2) изображение кабана, вырезанное на овальном бронзовом зеркале из погребения 87 Зуевского могильника на западном Урале. Могильник, раскопанный А. А. Спицыным, относится к Ананьинскому времени⁴ — к III в. до н. э. Гораздо хуже обстоит дело с остальными, так сказать, «рядовыми» рисунками.

Здесь можно отметить лишь следующее: рисунки создавались неодновременно и без всякого плана, на что указывает перекрывание одних рисунков другими на Туль-Куле (группы 18 и 19). Нетрудно заметить, что в группе 18-й рисунки, выбитые линией, очень схематичные, но в то же время живые и динамичные, перекрыты изображениями, выбитыми сплошным контуром, и более статичными. Каких-либо общих выводов отсюда сделать нельзя, так как это различие стилей невозможно четко проследить на остальных

¹ Что фигуру хищника надо понимать именно так, убеждает сопоставление с фигурой льва из северо-восточной Африки, также вырезанной на скале. Несмотря на всю дальность расстояния, в правомочности такой аналогии (для понимания поворота головы) убеждает чрезвычайная схожесть техники и манеры передачи изображения. См. L. F o b e n i u s. *L'art Africain, Cahiers d'Art*, 1930, № 8—9, рис. 1. Есть и более близкие аналогии, но уже в металле. Это бронзовая бляшка, изображающая фигуру хищника с мордой, повернутой *en face*. Найдена в ур. Кумуртук на Чулышмане. Хранится в Барнаульском музее. Сведения о ней мне любезно сообщил М. П. Грязнов.

² Например Пазырыкский курган

³ Древности Приднепровья, вып. III, Киев, 1900, табл. XI, рис. 540.

⁴ Древности Камы по раскопкам А. А. Спицына в 1898 г. Матер. ГАИМК, вып. 2, 1933, стр. 9, рис. 3.

группах изображений.¹ Во всяком случае авторы вторых рисунков мало заботились о сохранении произведений своих предшественников.

Некоторым материалом для датировки изображений могут служить также и луки, из которых стреляют человеческие фигуры. Луки эти неодинаковые, и их можно отнести к следующим типам.

1. Маленький простой лук, длиной приблизительно сантиметров 70 (Туль-Куне, группа 5-я; Сергеевка I и II, Тамураши I).

2. Простой лук, длиной около 1.20 м (Туль-Куне, группа 8-я; Тамураши I, группы 2 и 3-я).

3. Большой сложный лук около 1.5 м длиной (Кула-Журга, группа 2; Такыр, группа 1-я). Такие луки появляются в Западной Сибири и Казахстане в I—II вв. н. э.² и существуют очень долго. О простых луках нельзя сказать что-либо определенное, так как они устрелялись, наравне со сложными, в течение очень длительного времени.

С известной долей вероятности, судя по некоторому изгибу наружу, в изображении Сергеевка I, мы можем усмотреть маленький сложный лук, знакомый нам по золотым бляхам сибирской коллекции Эрмитажа и по раскопкам ранне-кочевнических курганов. Находящееся поблизости изображение оленя, имеющее многочисленные аналогии в бронзе и золоте скифского времени как Сибири, так и Европейской части СССР,³ подтверждает наше предположение. Манера трактовки этого оленя показывает гораздо большую схематичность и условность, чем олень Тамураши II, однако, в нем сохраняются все типичные черты подобных изображений в скифском зверином стиле. Здесь мы имеем те же закинутае назад ветвистые рога, морду, поднятую вверх, и поджатые ноги, трактованные уже совершенно условно. Второе изображение, выбитое также в скифской манере, — это хищник из группы у дер. Остриково. Вытянутые вперед лапы и закрученный в кольцо хвост роднят его с изображением пантеры из Келермесского кургана. Техника выбивки и степень выветренности камня в обоих этих изображениях те же самые, что и в остальных фигурах, расположенных рядом с ними, но не имеющих таких характерных особенностей. Наконец, судя по технике нанесения рисунка, мы можем отнести наши изображения, по аналогии с енисейскими,⁴ в большей своей части к VI—I вв. до н. э., т. е. к скифскому времени. Некоторым подтверждением этому служат и сюжеты изображений (горные козлы, бараны, олени, хищники), повторяющиеся в золоте, бронзе и железе, именно ранне-кочевнического времени в Сибири. Особенно характерен здесь мотив двух животных, повернутых головами друг к другу,⁵ и фигуры горных козлов, оленей и хищников на рукоятках ножей этого времени. Из этого не следует, что все иртышские изображения относятся к ранне-кочевническому времени. Некоторые из них (как, например, изображение верблюда с четырьмя ногами у дер. Остриково) производят впечатление более поздних. Но на данном этапе наших знаний мы должны большинство иртышских изображений датировать временем ранних кочевников, так как в пользу этого можем привести

¹ За исключением группы Тамураши I, группа 3, где стрелки из лука изображены врезанной линией очень схематично, тогда как остальные фигуры выбиты сплошным силуэтом и, видимо, позднее первых.

² А. Н. Бернштам. Кенкольский могильник. Археологические экспедиции Эрмитажа, вып. II, 1940.

³ Например золотое изображение оленя из костромского кургана. ОАК за 1897 г., стр. 13, рис. 46.

⁴ С. В. Киселев. Значение техники и приемов изображения некоторых енисейских писаниц. ТСА РАНИОН, т. V.

⁵ Например, на бронзовых кинжалах того же времени. См.: В. Радлов. Сибирские древности, т. I, вып. 2 (МАР, № 5), 1891, табл. XI, XII, XIV.

некоторые (правда, недостаточные) доводы. В пользу же отнесения их к какому-либо другому времени у нас данных нет никаких.

Таким образом, хронологические рамки обоих отмеченных типов изображений как будто бы совпадают, и получается, что одновременно создаются и художественные, определенным образом стилизованные рисунки группы Тамураши II, и неумело выбитые фигуры остальных пунктов. Разрешить этот вопрос с исчерпывающей полнотой мне сейчас не представляется возможным. Отмечу лишь, что в пределах намечающегося отрезка времени группа Тамураши II, повидимому, является более ранней, чем остальные.

На основании всего вышеизложенного можно сформулировать следующие выводы.

Наскальные изображения Верхнего Прииртышья находятся на отрогах гор, окаймляющих речные долины (за исключением двух, где количество фигур очень незначительно).

Все изображения (кроме Тамураши II) выполнены одной техникой, путем откалывания острым орудием мелких кусочков поверхности камня. Фигуры выбиты схематично, часто неумело, но в то же время верно передают характерные черты изображаемого (особенно животных).

Сюжеты изображений довольно однообразны и заимствованы большей частью из окружающей природы. Изображались главным образом фигуры животных как диких (горный козел, олень, архар, хищник кошачьей породы), так и домашних (лошадь и верблюд). Попадаются также сцены с фигурами людей и большое количество неопределенных животных и непонятных знаков.

Наскальные изображения всегда делались с определенными магическими целями; степень видимости и художественность изображения не принимались во внимание. В сюжетах рисунков можно заметить отражение пережитков как космических, так и тотемистических представлений, а также и мифов. Рассматривать наскальные изображения как зарисовки с натуры каких-либо реальных сцен даже там, где это кажется возможным, будет неправильно, с магическими же целями большинство фигур и животных и людей повернуто направо (левая сторона символизировала смерть). Это наблюдение прослеживается и по наскальным изображениям других районов.

Наскальные изображения Верхнего Прииртышья имеют аналогии по технике, стилю и сюжету рисунков с изображениями Енисея, Казахстана, Средней Азии, Монголии и даже Афганистана. На основании этого мы можем поставить вопрос о сходстве первобытных, религиозно-магических представлений в какой-то период времени для всей этой громадной территории.

Расчленив хронологически и точно датировать отдельные группы изображений пока не представляется возможным. Большинство из них следует отнести к периоду ранних кочевников Казахстана, т. е. к VI—I вв. до н. э. Однако не исключено, что многие изображения появились значительно позднее. Тематика рисунков указывает на связь их с скотоводческим хозяйством, а не с земледельческим. Подобные изображения могли бытовать в степях очень долгое время.

Группа изображений Тамураши II резко отличается по технике и характеру рисунка от всех известных наскальных изображений, представляет собой прекрасный образец скифского, так наз. «звериного стиля» и может быть отнесена к V—III вв. до н. э.

В заключение необходимо отметить слабую изученность наскальных изображений в степной полосе и трудность их датировки и объяснения.

Для того чтобы преодолеть эти трудности, необходимо продолжать дальнейшее исследование этих интереснейших памятников древности.

S. ČERNIKOV

LES GRAVURES RUPESTRES DU COURS SUPÉRIEUR DE L'IRTYŠ

R é s u m é

Les gravures rupestres découvertes dans la région du cours supérieur de l'Irtyš se trouvent dans les contreforts des montagnes qui bordent les vallées (sauf deux, qui n'ont qu'un très petit nombre de figures).

Tous les groupes de dessins (à l'exception de Tamuraši II) sont faits par le même procédé, consistant à détacher de menus morceaux de la surface de la roche au moyen d'un instrument pointu. Les figures sont taillées schématiquement, souvent d'une manière inhabile, mais en même temps elles rendent avec vérité les traits caractéristiques du sujet représenté (surtout des animaux).

Les sujets reproduits sont assez uniformes et empruntés en majeure partie à la nature ambiante. Ce sont principalement des animaux, soit sauvages (*Capra sibirica*, *Cervus elaphus Maral*, *Ovis Argali*, un félin), soit domestiques (*Equus* et *Camelus bactrianus*). On y rencontre aussi des scènes où figurent des hommes et une grande quantité d'animaux indéterminés et de signes incompréhensibles.

Les dessins rupestres étaient faits toujours dans un certain but magiques; on ne tenait pas compte du degré de visibilité et du caractère artistique de l'image. Les motifs des dessins laissent refléter des survivances de concepts cosmiques ou totémiques ainsi que de mythes. Il serait faux d'y voir des dessins d'après nature de scènes réelles quelconques, même là où cela paraît possible. Dans une intention magique, la majorité des figures, tant humaines qu'animales, sont tournées à droite (le côté gauche symbolisait la mort); ce trait est constaté également dans les dessins rupestres des autres régions.

Les dessins rupestres du cours supérieur de l'Irtyš ont des analogies de technique, de style et de sujet avec ceux de l'Iénisséi, du Kazakhstan, de l'Asie Centrale, de la Mongolie et même de l'Afghanistan. Cela nous autorise à poser la question de la similitude à une période donnée des concepts religieux et magiques primitifs sur toute l'étendue de cet immense territoire.

Il n'est pas possible pour le moment de subdiviser chronologiquement et de dater avec précision les différents groupes de représentations. La majeure

partie doit être rapportée à la période des premiers nomades du Kazakhstan, c'est-à-dire aux VI—I-er siècles avant notre ère. Il se peut toutefois que beaucoup de ces dessins soient de date bien plus récente. Les sujets représentés révèlent un lien avec l'élevage du bétail et non avec l'agriculture. Ces dessins ont pu exister fort longtemps dans les steppes.

Le groupe de dessins de Tamuraši II diffère franchement par la technique et le style de tous les dessins rupestres connus. C'est un admirable spécimen du style scythique dit «style animal», qui peut être attribué aux V—III-e siècles avant notre ère.

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ

О ДОКЛАДАХ И ПОЛЕВЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ
ИНСТИТУТА ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ
КУЛЬТУРЫ

80

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

С. С. ЧЕРНИКОВ

О ТЕРМИНЕ «РАННИЕ КОЧЕВНИКИ»¹

Понятие «ранние кочевники» было впервые введено в научный оборот М. П. Грязновым в 1939 г.² Этот термин, получив с тех пор довольно широкое распространение в трудах советских археологов, применяется пока главным образом к территории Южной Сибири, Алтая и Казахстана. Он характеризует продолжительную историческую эпоху развития племенных и этнических образований, с основой хозяйства, — кочевым скотоводством и определенный круг памятников материальной культуры. Конкретно — это время с VIII в. до н. э. по первые века нашей эры (верхняя дата еще весьма неточная).

Термин «ранние кочевники» употребляется потому, что в письменных источниках (китайских, античных и иранских) нет такого общего названия, которое могло бы с достаточной полнотой характеризовать всю эту эпоху на упомянутых территориях. В других степных районах тот же исторический период называют конкретнее. В Причерноморье — это скифская, а позднее — сарматская эпоха, в Южном Казахстане и Киргизии — сако-массагетская, позднее усуньская эпоха, в Прибайкалье и Центральной Азии — гуннская.

Первое из этих определений «скифская эпоха» или «скифское время», следуя традиции, восходящей к античным авторам, до сих пор употребляется и более расширительно. Под ним часто подразумеваются вообще все кочевые культуры I тысячелетия до н. э. Такое подражание греческим и римским историкам заставляет некоторых наших исследователей искать скифов на Алтае и чуть ли не в Монголии, искажая тем самым особенности эпохи³.

Основной недостаток такого этнонимического определения длительного и сложного исторического периода, к тому же и на огромной территории, состоит в том, что внимание концентрируется на особенностях какого-либо одного, лучше всего известного этнического образования, в данном случае — скифов, поэтому стираются локальные отличия исторического развития других этнических групп, не прослеживается то общее, что свойственно всему периоду в целом.

¹ Вопросы, затрагиваемые в настоящей статье, были особенно близки А. Н. Бернштаму и всегда вызывали у него живой интерес. Многие здесь выяснено и уточнено в результате бесед и споров с ним, под его непосредственным влиянием.

² История СССР (макет). Ч. II, гл. 6, § 3. «Ранние кочевники Западной Сибири и Казахстана». Изд. ИИМК АН СССР, 1939.

³ С. Боговка. Scythian Art. Лондон, 1928; С. И. и Н. М. Руденко. Искусство алтайских скифов. М., 1949, и другие работы.

Для всей этой эпохи на пространстве евразийских степей правильнее применить более общий термин — «ранние кочевники», которым должен называться конкретный период развития человеческого общества, с присущими ему закономерностями на определенной территории.

Понятие «Древний Восток», объединяющее историю ранних рабовладельческих государств, основанных на ирригационной системе хозяйства, отнюдь не заслоняет от нас своеобразия исторического развития и культуры Египта, Месопотамии, Ирана и т. д. Также и термин — «ранние кочевники» не должен заслонять характерные черты скифов, саков, гуннов и т. д., подчеркивая лишь то общее, что им свойственно и что отличает их от народов с иной системой хозяйства.

Попытаемся кратко сформулировать, в чем же заключаются особенности исторического развития кочевников вообще, а затем определить специфические черты эпохи ранних кочевников как эпохи появления и формирования кочевого скотоводства на огромных территориях Азии и Европы¹.

Уточним сперва, где появляются кочевники, какие физико-географические условия наиболее благоприятствуют появлению и развитию именно этой системы хозяйства.

Это — великий пояс степей, простирающийся в широтном направлении от среднего Дуная до Китайской сельскохозяйственной равнины, включая в себя на востоке пустыни Туркмении и Казахстана, Гоби и Такламакан. С севера его ограничивает полоса лесостепи; южная граница более разнообразна и извилиста. Она проходит по северному берегу Черного моря и Кавказскому хребту, далее через страны поливного земледелия Средней Азии, горную систему Тянь-Шаня и Тибетское нагорье. В меридиональном направлении этот пояс как бы разрезан на три части отрогами Алтая и Тянь-Шаня, Уралом и Каспийским морем (Монгольские, Казахстанские и Причерноморские степи). Естественно, что на таком огромном пространстве мы наблюдаем большую разницу в физико-географических условиях, и Монгольские степи не похожи ни по климату, ни по растительному покрову и почвам на Причерноморские. Однако всем им присущи два общих свойства: отсутствие больших лесных массивов и невозможность широкого развития первобытного земледелия², в силу относительно слабой обводненности и тяжелых почв, почти недоступных примитивным сельскохозяйственным орудиям. Обрабатываться могли лишь сравнительно небольшие участки в поймах степных и предгорных рек. Естественно, что земледелие в условиях первобытного общества и не могло стать здесь единственной основой существования. Степные же пастбища, в соединении с горными, давали возможность для содержания больших стад скота в течение круглого года на подножном корму. Но, в отличие от сельскохозяйственных стран, эти пастбища почти всегда разбросаны на большой территории.

Таким образом, своеобразие физико-географических условий степной полосы оказало сильнейшее влияние на конкретные особенности исторического развития обитавших здесь племен и на их хозяйство. В степях зародилась и получила полное развитие особая, односторонне развитая отрасль хозяйства — кочевое скотоводство. В иных природных условиях возникали и

¹ Эти вопросы частично рассматривались на Ташкентской сессии АН СССР и академий среднеазиатских республик (доклад Л. П. Потапова). См. «Материалы объединенной научной сессии, посвященной истории Средней Азии и Казахстана в дооктябрьский период». Ташкент, 1955, стр. 17 и др. Общие проблемы особенностей кочевого общества затрагиваются в работах: Б. Я. Владимирцев. Общественный строй монголов. Л., 1934; В. М. Кун. Черты военной организации средневековых кочевых народов Средней Азии. — Уч. записки Ташкентского пед. ин-та им. Низами. Серия общ. наук, вып. 1. Ташкент, 1947. Об особенностях развития ранних кочевников см. М. П. Грязнов. Некоторые вопросы сложения и развития ранних кочевых обществ Казахстана и Южной Сибири. — СЭ, 1956, № 1, стр. 19.

² Как ирригационного, так и основанного на естественном орошении полей.

развивались и иные формы скотоводства. В горных местностях — это яйлажное содержание скота, с перегонем его на альпийские луга летом и в долины зимой, в южных земледельческих районах — стойловое, с ограниченным выпасом, в лесной полосе — также стойловое, с кормозаготовками на зиму. Кочевое скотоводство, как доминирующую форму хозяйства, мы наблюдаем не только в степной полосе Евразии, но и в некоторых районах Переднего Востока, Южной и Северной Африке, Северной Индии и, наконец, в Северной Азии (на оленеводческой основе), но там оно бытовало на сравнительно небольших территориях, имело свои исторические предпосылки и свою специфику.

Рассматривая своеобразие исторического развития кочевого мира, необходимо учитывать, что, так сказать, «чистых» кочевников-скотоводов никогда не существовало и речь может идти лишь о преобладающей, но не единственной отрасли хозяйственной деятельности. Земледелием в той или иной мере занимались и сами кочевники и жившее рядом и среди них оседлое население, что сильно затрудняет понимание тех или иных исторических событий, связанных со степными территориями.

Но это не снимает возможность и необходимость рассмотрения истории кочевников как особого явления, отличающегося целым рядом существенных черт от истории земледельческих стран. В чем же заключается это, свойственное кочевому обществу, своеобразие? Исторические факты показывают следующее:

1. У кочевников не было рабовладельческой формации, хотя рабовладельческий уклад существовал очень длительное время и прослеживается достаточно четко (домашнее рабство, раб-ремесленник и раб-товар).

2. Процессы классообразования, консолидация господствующего класса и образование государства идут крайне медленно, долго задерживаются на стадии «военной демократии» и имеют очень нечеткие и примитивные формы. Социальная организация кочевников не поднимается выше уровня патриархально-феодальных отношений. Сильные пережитки первобытно-общинного строя характеризуют все дальнейшее развитие кочевых обществ. Феодалная эксплуатация облекается в родо-племенную оболочку¹.

3. Классовая иерархия, формы государственного устройства и правовые институты, даже в своем наиболее развитом виде, никогда не достигают такой выработанности и четкости, как в обществе земледельческом (например, Тюркский каганат, империя Чингиз-хана, Джунгарское государство и т. д.). Все, без исключения, кочевые государственные образования непрочно и недолговечны.

4. Процессы этногенеза также идут медленно и прослеживаются с трудом. Названия племен и народов часто меняются, создавая впечатление сплошных переселений (например, в Семиречье — саки, усунь, дулу и нушэби, тюркеш, карлуки, ягма, чигили, каракитай, найманы, племена старшего жуза и киргизы). Крупные племенные объединения непрочно, и процесс образования народностей часто обрывается (авары, кипчаки, хазары, джунгары и др.). В более или менее законченном виде кочевые народности складываются очень поздно (XIII—XV вв. н. э.).

5. Для всей истории кочевников наиболее характерны непрерывные военные столкновения и между собой и с земледельческими странами, расположенными по границам степи. Являясь сами варварской периферией рабовладельческого, а затем феодального мира, они оказывают на него непрерывное (преимущественно военное) давление, в свою очередь подвергаясь сильному воздействию более высокой оседлой культуры. Однако от первых

¹ Причины такой застойности и медлительности исторического процесса кроются в экономике кочевого хозяйства, но этот вопрос выходит за рамки настоящей статьи.

По этой же причине не касаюсь я здесь и хозяйственного, и военного значения верхового жонья.

киммерийских походов VIII в. до н. э. и до монгольского завоевания XVIII в. н. э. (а в ряде мест и позднее) опасность нашествия кочевников была самой реальной и страшной угрозой для стран, соседящих со степью.

6. Передвижение больших масс кочевников идет, главным образом, с востока на запад (скифы, сарматы, гунны, болгары, авары, печенеги, половцы, татаро-монголы, калмыки). Крупные походы совершали кочевники на юг (киммерийцы, скифы, саки, сельджуки), на восток (хунны, тюрки, монголы) и значительно реже и в меньших масштабах — на север.

7. Вся организация общества носит в значительной степени военный характер. Для кочевников характерна массовость и хорошая организованность армии, большая подвижность крупных конных масс. Набеги кочевников сопровождалась грабежом и уничтожением населения, угоном скота, разрушением городов, сельскохозяйственных сооружений и вообще всех ценностей, которые кочевники не могли взять с собой.

Таковы факты, показывающие, что кочевые племена и народности на своем историческом пути, подчиняясь общим законам исторического развития, имели свою специфику, отличающую их от населения стран оседлых, с земледельческой системой хозяйства. Это дает нам право рассматривать кочевое скотоводство как специфическое явление в общем ходе исторического процесса, которое нуждается еще в детальном конкретном изучении.

Переход к кочеванию на определенной ступени развития производительных сил, у степных и лесостепных племен эпохи бронзы явился подлинным переворотом не только в их хозяйственной деятельности, но и в материальной культуре, быте, мировоззрении и социальной организации¹. Кочевое скотоводство было явлением несомненно прогрессивным, так как по сравнению с предшествующим, пастушеско-земледельческим хозяйством, оно давало неизмеримо большее количество прибавочного продукта. Были освоены громадные территории пустынных до того степей. Дальние перекочевки и походы способствовали быстрому обмену культурными ценностями, а одинаковый образ жизни создавал предпосылки единства отдельных элементов яркой и самобытной культуры и искусства, которые так хорошо прослеживаются на археологическом материале (так называемый «звериный стиль», конская сбруя, оружие).

Следовательно, эпоха «ранних кочевников» — это эпоха разложения родового строя у кочевых племен, эпоха «военной демократии» до появления патриархально-феодальных отношений. В силу особенностей кочевого хозяйства она продолжается свыше тысячелетия. Здесь можно наметить два периода. В VIII—III вв. до н. э. складываются крупные союзы племен — скифы, саки, савроматы, юечжи и др., которые были еще грозной опасностью для соседних земледельческих государств. Для них характерен способ кочевания большой ордой (племенем), находящейся в непрерывном, медленном, круглогодичном движении². Усиливается политическая и экономическая власть племенных вождей. Богатые курганы, свойственные только этому периоду, — это внешнее выражение процесса все более укрепляющейся политической и хозяйственной мощи племенной верхушки³.

Крупные, хотя до сих пор и не совсем еще ясные, изменения происходят в кочевом мире в III—II вв. до н. э. Появляются первые, еще очень нечеткие

¹ Нашей территории — это конец андроновской и срубной культуры.

² М. П. Грязнов. Указ. соч.

³ Такие, как Ульский курган, Келермес, Чертомлык, Солоха, Куль-оба, Пазырыкские курганы и многие другие. Позднее пышный погребальный обряд еще сохраняется, но драгоценных вещей и, что характерно, лошадей уже значительно меньше (сарматские курганы типа Воздвиженского и Хохлач, Ноин-Ула и др.). Видимо, здесь в какой-то степени меняется порядок наследования имущества умершего вождя, нашедший отражение в погребальном обряде.

государственные образования — хунну, усунь, кангюй, скифское царство в Крыму.

Пример скифского царства, а также государства юечжей-кушанов показывает, что кочевая знать, захватившая земледельческие области, очень быстро переставала быть кочевой и становилась рабовладельческой знатью.

Вероятно в этот период исчезает родовая собственность на скот, звание вождя становится наследственным, консолидируется степная аристократия, распоряжающаяся общинными пастбищами. Стада, принадлежащие вождям, видимо, начинают пасти уже отдельно от стад всего племени (усунь). Создаются предпосылки для перехода к патриархально-феодальным отношениям, которые начинают складываться в первых веках нашей эры, но ввиду недостаточности материала, проследить четко этот процесс сейчас невозможно. Однако несомненно, что в это время в кочевом мире происходят серьезные изменения, позволяющие говорить уже о совершенно другой эпохе, с новым историческим содержанием. Черты феодального строя вырисовываются все более явственно. Меняются формы материальной культуры, исчезает «звериный стиль» и богатые большие курганы. Перекочевки небольшими, имущественно неравноценными группами, получают все большее распространение и, наконец, становятся господствующими¹. Возникают огромные, но кратковременные кочевые государства с более или менее ясно выраженной феодальной иерархией (сяньби, жуань-жуани, авары, уйгуры, тюрки, кидане). Все эти процессы завершаются появлением империи Чингисхана — исторической вершины кочевого могущества.

В связи с этим термин «поздние кочевники» практически не нужен, так как исторические судьбы складывающихся в это время отдельных кочевых народностей, уже хорошо известны и различаются с большой определенностью. Их совершенно правильно называют конкретными этническими наименованиями, а всех вместе — просто кочевниками, кочевыми народами.

Иное дело эпоха «ранних кочевников», имеющая, как мы видим, свои, свойственные только ей, характерные черты, как в общей линии развития, так и в материальной и духовной культуре. Каково же ее общен историческое значение?

Рабовладельческие государства, граничащие со степью, независимо одно от другого, все, в той или иной степени испытывали влияние кочевого мира и в свою очередь на него влияли. Вспомним походы киммерийцев и скифов в Переднюю Азию, многовековую борьбу Чжоуского и Ханьского Китая с кочевниками и постройку Великой китайской стены, походы Кира и Дария I против саков и скифов, появление греческих колоний в Северном Причерноморье, тысячелетние взаимоотношения кочевников и земледельцев в Средней Азии, определившие всю ее историю и, наконец — движение гуннов на Запад и их роль в падении Римской империи. Эти и многие другие факты позволяют нам сделать вывод, что ранние кочевники (так их и нужно называть) в значительной степени способствовали объединению исторических судеб многих и разных стран и народов в общий исторический процесс большей части Евразийского материка.

¹ Б. Я. Владимирцев. Указ. соч.